

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2019 Vol. 2 №3 (5)

Журнал *Caucasian Science Bridge*

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

07.00.00 «Исторические науки и археология»,

22.00.00 «Социологические науки», 23.00.00 «Политология».

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Данное магистральное направление сочетается с немаловажной миссией журнала, связанной с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки, что предполагает возможность публикации в данном издании исследований других регионов современного мира в координатах профиля журнала. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

22.00.00 “Sociological Sciences”,

23.00.00 “Politics”, 07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and socio-cultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. This tramline is combined with the mission of the journal: to create an intellectual and discussion platform. Consequently, the articles dedicated to other regions of the world, written within the framework of the journal profile are published. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 12.09.2019. Подписано в печать 27.09.2019. Выход в свет 30.09.2019.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 4,2. Тираж 550 экз. Заказ № 58.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кузнецов Аркадий Вячеславович – Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Aleksandr Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Dyatlov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, G.R.Derzhavin Tambov State University, Tambov Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Kuznetsov Arkady Vyacheslavovich – Tyumen State University, Tyumen, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Сальников А.В.

Шиитская община как дискриминируемое меньшинство
на Ближнем Востоке 10

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ РЕГИОНА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Демиденко А.С.

Досуговые практики молодежи Северного Кавказа
(по результатам экспертного опроса) 22

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Левшин В.С., Болотин Ю.О.

Россия в современной системе международных отношений
в оценках студенческой молодежи Северного Кавказа 30

Гранкина А.А., Момотов Д.И.

Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа 39

Газимагомедова З. А.

Понимание субъекта познания в свете философских новаций 45

Информация для авторов 50

CONTENTS

CIVILIZATIONS AND CULTURES IN THE GREAT CAUCASUS

Salnikov A.V.

The shiite community as a discriminated minority in the Middle East 10

SOCIAL INSTITUTIONS OF THE REGION: PAST, PRESENT, FUTURE

Demidenko A.S.

Leisure activities of the youth of the North Caucasus
(based on an expert survey) 22

YOUTH FORMAT

Levshin V.S., Bolotin Y.O.

Russia in the modern system of international relations
in assessments of student youth in the North Caucasus 30

Grankina A.A., Momotov D.I.

Social well-being of the youth of the North Caucasus 39

Gazimagomedova Z.A.

Understanding the subject of knowledge in the light
of philosophical innovations 45

Information for Authors 50

**ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ
БОЛЬШОГО КАВКАЗА**

УДК 316.74

Шиитская община как дискриминируемое меньшинство на Ближнем Востоке¹

А.В. Сальников*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В статье анализируется современное состояние шиитских общин в странах Ближнего Востока в контексте их дискриминации со стороны властей. В большинстве стран этого региона проживают шиитские общины. Часто граждане шииты подвергаются репрессиям со стороны властей и рассматриваются в качестве «пятой колонны» Исламской Республики Иран. Первая часть статьи посвящена обзору взаимоотношений шиитской общины и властей в королевстве Саудовская Аравия, королевстве Бахрейн и Арабской Республике Египет, где зафиксированы наиболее жёсткие проявления репрессивных мер со стороны государства по отношению к своим гражданам шиитам. Во второй части описывается состояние шиитской общины в Кувейте и Объединённых Арабских Эмиратах, где репрессивные меры со стороны властей по отношению к гражданам шиитам выражены в более мягкой форме. В заключительной части статьи представляется авторская интерпретация влияния дискриминации шиитов в странах Ближнего Востока на ситуацию в регионе в целом.

Ключевые слова: дискриминация, шииты, Иран, Ближний Восток, арабские страны, ислам, межконфессиональные противоречия, ваххабиты.

Для цитирования: Сальников А.В. Шиитская община как дискриминируемое меньшинство на Ближнем Востоке // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2. №3. С. 10-20.

The shiite community as a discriminated minority in the Middle East

Artem V. Salnikov*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article analyzes the current state of Shiite communities in the Middle East in the context of their discrimination by the authorities. Most countries in the region have Shia communities. Shia citizens are often subjected to repression by the authorities and are regarded as the "fifth column" of the Islamic Republic of Iran. The first part of the article is devoted to the review of the relations between the Shiite community and the authorities in the Kingdom of Saudi Arabia, the Kingdom of Bahrain and the Arab Republic of Egypt, where the most severe manifestations of repressive measures by the state against its citizens are recorded. The second part describes the state of the Shiite community in Kuwait and the United Arab Emirates, where repressive measures by the authorities against Shiite citizens are expressed in a milder form. In the final part of the article the author's interpretation of the impact of discrimination against Shiites in the Middle East on the situation in the region as a whole is presented.

Key words: discrimination, Shiites, Iran, Middle East, Arab countries, Islam, interfaith contradictions, Wahhabis.

For citation: Salnikov A.V. The shiite community as a discriminated minority in the Middle East// Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №3. P. 10-20.

Introduction

The Islamic revolution of 1979 in Iran ensured the growing influence on the activation of Shiite communities in other countries, primarily Arab, as well as on the political spread of Shiism. Sympathetic to the new regime, Shiites living in Arab countries first began to show solidarity with their co-religionists in Iran, and then began to claim infringement of their political rights and began to participate more decisively in public life. The leading position of Shiites in Iran and Iraq in political and economic processes, pushed Shiites in neighboring countries, primarily in Bahrain and Saudi Arabia, to become even more active, to demand representation in political and social issues, participation in the formation of national policies of their countries.

¹ Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

To date, in Muslim society, the dominant force remains adherents of Sunni Islam, and the share of Shiites in the Islamic Ummah is, according to various sources, from ten to twenty percent. But, despite the relative small number, the Shiites began to represent a serious political force, especially in the middle East.

Speaking about the discrimination of the Shiite community in the countries of the Middle East region, it must be said that the situation varies greatly in individual countries - in countries such as Oman, Qatar, Shiites are not subjected to repression by the state regime, while in Saudi Arabia, Bahrain, Egypt - such tension is present on a more radical and massive scale. In a milder form, but discriminatory policy towards Shiites is manifested in countries such as Kuwait and the United Arab Emirates.

Bahrain

In the Kingdom of Bahrain, Shiites account for 65 to 75 per cent of the indigenous population, according to various estimates. However, in public positions, Shiites make up only 18%; in the interior Ministry and the army of Bahrain, Shiites are represented by 3%; the composition of the Royal court, the national guard, the national security service consists exclusively of Sunni Muslims; in ministries where the confessional factor is not so important, such as the Ministry of public works and housing or the Ministry of health, the glass ceiling principle also applies in appointing Shiites to leadership positions (*6 легенд о событиях ...*, 2014).

In Bahrain, the Shiites call themselves "Bahrani" and consider themselves native inhabitants of the territory, and the Sunnis are called "Arab", that is, Bedouins who came from the depths of the Arabian Peninsula.

The adopted state programs "Bahrain's National Youth Strategy" and "Bahrain's National Employment Project" included measures to limit the economic opportunities of the Shiite community and to provide economic and social benefits to the Sunnis. There is a special programme that provides financial support to young Sunnis who marry two or more women. Only Sunnis are provided with preferential business loans, tax incentives and various kinds of preferences.

The state supports labor migration of Sunnis from other countries. Migrant Sunnis when applying for a job has a substantial advantage over the local Shia. In addition, a migrant can obtain Bahraini citizenship under simplified rules. This is done in order to change and dilute the social structure of society.

This state of Affairs was opposed by the opposition. They insisted on equal rights for local Shiites and the abolition of simplified citizenship for migrants. At the same time, they expressed their loyalty to the king, whose power they did not think to encroach on. Demanding the resignation was only of the Cabinet of Ministers and uncle of king Khalifa bin Salman al Khalifa, who for 40 years held the post of Prime Minister. Also, the opposition demands were to strengthen the fight against corruption, hold early and fair parliamentary elections and release political prisoners. In response, representatives of the Cabinet of Ministers accused the opposition of trying to overthrow the current system.

The first unauthorized demonstrations in Bahrain began in February 2011. On February 14, demonstrations began in the Central Pearl square of the capital of Manama. On the same day, one of the protesters was killed by the police during the dispersal of the demonstrators. On 15 February, during the funeral of the victim, the authorities, which grew into a protest March, again intervened the police, and the second demonstrator was killed. On February 16, several thousand Shiites gathered in Pearl square and pitched a tent camp right next to the Pearl monument - the most recognizable symbol of Bahrain. The next day the town was demolished by the police, killing six people. On February 19, the Shiites again fill Pearl square. Negotiate they reject and again set up the tents. Basically, there are young

people who have neither work nor prospects. All are ready to become martyrs-shahids and perish. The authorities no longer risk dispersing the protesters – it is useless and undermines the prestige of Bahrain, which is considered a "Paradise for millionaires". It is the most luxurious and expensive resort in the world, and now it is losing customers and their money. Some Sunnis, who are outraged by the monstrous corruption reigning in the country, are beginning to join the protests. The relative calm lasted about a month. On March 14, Bahrain, at the request of the king, includes 1,000 Saudi soldiers and 500 police officers from the UAE. The German newspaper Die Welt commented: "the Saudi king protects his power in neighboring Bahrain. This is what the Saudis are trying to prevent, who chose to occupy Bahrain in order to prevent the reforms required by the Shiite rebels. After all, these reforms would inevitably affect the Shiite minority in Saudi Arabia." (В.Мясников, 2011). On the night of March 16, the Bahraini army with the support of military units of the Gulf States carried out a sweep of Pearl square. The protesters' camp, covered with barricades, was shelled with tear gas grenades and rubber bullets. Then in the course went batons and weapons of war. According to Bahraini human rights activist Nabeel Rajab, demonstrators were fired at with machine-gun fire from helicopters and tanks. At the same time, all hospitals were blocked by the troops, so it was impossible to provide medical assistance to the wounded. As a result, six people were killed and about 150 wounded. A lot of people are missing. They may have been arrested, but they may have been killed and their bodies hidden. The tent city of Sitra, in southern Bahrain, suffered the same brutal defeat. There the police and soldiers beat not only protesters, but also doctors on duty nearby. According to unofficial data, two people were killed in Sitra, more than a hundred were injured. On 17 March, the authorities announced a three-month state of emergency. A curfew has been imposed in some areas of Manama. The command of the armed forces received the authority to take any measures up to the use of weapons to kill to ensure security in the country. On the same day, the police detained 25 of the most active organizers of mass anti-government demonstrations and rallies. Was closed all schools, and at the same time the main stock exchange of country Bahrain Bourse. Massive Pearl monument, near which gathered protesters, the military destroyed, the wreckage was taken. On March 27, the king of Bahrain announced the disclosure of an anti-state conspiracy. So explained a series of arrests carried out after the introduction of Saudi troops. According to the monarch, the plot was prepared for 20-30 years. In this regard, Iranian diplomats were expelled from the country. It is noteworthy that the conspirators were mainly Shiite opposition. And the Shiites themselves strongly rejected the connection with the Iranian special services. Neither the king nor his special services have not presented any materials incriminating the conspirators.

In 2012, another arrest of a well-known human rights activist Nabil Rajab was the catalyst for new street unrest. On Friday, the streets of the Western outskirts of the capital manam again filled with burning barricades and clouds of tear gas - when suppressing opposition demonstrations, the police used tear gas and noise grenades.

In 2013, the Prosecutor's office of the capital of Manama issued a decision on the arrest of Khalil al-Marzuk, one of the leaders of al-Vifak, representing the interests of the Shiite majority. Because of this, the "dialogue of national accord", which aims to eliminate the consequences of the Shiite uprising in 2011, was threatened with failure. He was accused of "incitement to violence" and detained for 30 days in the case of "inciting terrorism". The indictment States: "In his speeches, al-Marzuk repeatedly called for violence and terrorism, justified crimes against peace in the country."

On March 24, 2014, Bahraini security forces attacked a Shiite mosque using tear gas for burial in a village near the capital of Manama.

The attack came after thousands of Shiite Bahrainis led by the opposition al-Bethak party closed the Budaya highway, which is the main link between the surrounding Shiite

villages and the capital. Protesters faced police who responded with tear gas and gasoline bombs (*Olivia Becker, 2014*).

On January 2, 2016, after the execution in Saudi Arabia of the authoritative Shiite theologian Nimr-ar-Nimr, protests resumed in the country. At a demonstration in the Shiite village of Abu Saiba, West of the capital, called for mass protests. Government forces severely suppressed Shia demonstrations and actions using tear gas against demonstrators (*Иране и Бахрејне ..., 2016*).

July 3, Shia protest against the authorities' decision to revoke the citizenship of an influential Shiite preacher, 'ISA Qasim. A crowd of people gathered at the home of Qasim in the Shiite village of Diraz West of stility to show their support for him (*Bahrain Revokes..., 2016*). Hundreds of people gathered at the rally. They burned tires and defiantly tore portraits of the king. When the police intervened, stones and Molotov cocktails flew in their direction (*Шииты в Бахрејне ..., 2016*).

In 2017, representatives of the Shiite majority took to the streets of Manama on the anniversary of the 2011 protests. Bahraini police use tear gas and rubber truncheons to suppress Shiite protests in Manama, it is known about the mass arrests of protesters (*Полиция Бахрејна ..., 2017*).

It is worth paying attention to one of the key features of the protest movement of the Shiite community in Bahrain - a reliance on peaceful, non-violent methods. This feature distinguishes the Shia protest movement in the Kingdom from other similar movements in other countries of the Middle East, where protests and demonstrations eventually turned into violent actions and created conditions for the formation of terrorist groups. As for the Bahraini authorities, from the very beginning of the protest movement, they sought to break it by any means possible - arrests, imprisonment, torture and deprivation of citizenship.

Saudi Arabia

Accurate information on the number of Shia communities in Saudi Arabia is not published. According to various estimates, Shiites make up 10 to 15% of the country's indigenous population (2-4 million people) (*Федуненко, 2016*). The ethnic composition of the Shiites is very diverse - in addition to the Saudi Arabs, some Shiites come from Iran, Yemen, India and Pakistan (*Федорченко, 2013*).

In Saudi Arabia, most Shiites live in the province of Nejran, which borders Yemen, a significant Shiite community is concentrated in Medina. The Shiite population of the Eastern province is compactly concentrated in the settlements of the oases of al-Hasa and al-Qatif. The specificity of the Eastern province, the branching ties of its Shiite population with the co-religionists of neighboring countries, the presence in its environment of a developed educated and entrepreneurial class - all this suggests that the Shiite issue in relation to Saudi Arabia concerns primarily this province. It produces 98% of the country's hydrocarbon raw materials, industrial production in the Eastern province provides 90% of the country's external revenues. The importance of this administrative unit in terms of both economy and national security is exceptional (*Косач, 2014*).

The researchers draw attention to the ambiguity and inconsistency of the status of Shiites in the Kingdom (*Логинов, 2003. С. 105*). The Sunni leadership fears that local Shiites may become conductors of Iran's interests in their country and destabilize the Kingdom's statehood.

Today, Shiites in Saudi Arabia are more limited than Shiites in other regions of the world. They are subjected to various repressions because of their belief in Shi'ism. This led to the fact that the Shiites have started to hide their religious beliefs for reasons of security. The Shiites of Saudi Arabia may not cost a Shiite mosque. In addition, many mosques and Hussein in the Shiite cities of the Kingdom destroyed. Shiites are forced to conduct their re-

religious rituals at home, not in public. The government does not officially recognize the Shia religious education centres, which are located in the Eastern province, does not finance them, does not recognize the education certificates of their graduates, and does not provide them with jobs. The government systematically denies the construction or registration of Shia community centres. Shia clerics are not even allowed to teach privately. It is for this reason that many of them go to study in Iran or Iraq, and then return to Saudi Arabia.

Discrimination against the Shiite community affects not only the confessional area, but also extends to other areas. In higher education, the government discriminates against Shiites in the selection of students, academic staff and Executive staff at public universities. For example, Shiites make up only 2 % of the professors of one of the main universities in al-Ahs, an area where more than 50% of the population is Shiites (*Saudi Arabia - Shia, 2016*). Shia students suffer from the fierce hostility of Wahhabi teachers, who constantly call them infidels and heretics. Universities of religious Sciences, such as the University of Mohammad Ben Saud or The Islamic University of Medina, encourage students who write dissertations against Shiites and their dissertations are published at the expense of the state. The situation in the Kingdom's schools is worse than in universities. Shia teachers and students are under constant pressure and pressure. In the classroom, Sunni teachers force students to call Shia kafirs (*Дискриминация и яркое ...*, 2015). There are special curricula in which ridiculed the Shia religious practices. Students are taught to punish Gentiles for other than the country's generally accepted religious beliefs.

There is also discrimination in the judicial sphere. The powers of the Shia courts are limited by the fact that any litigant who disagrees with the decision of the Shia court may apply to the Sunni court. Sunni judicial decisions have the right to completely invalidate decisions of Shiite judges, and government agencies have the right not to enforce decisions taken by Shiite courts.

The Shia community faces significant discrimination in employment in the public and private sectors. Only a small number of Shiites hold high positions in state-owned companies and government departments. Many Shiites believe that the open recognition of themselves as Shiites will have a negative impact on their career growth. In the public sector, Shiites are largely absent from posts related to national security, including the Ministry of defence and aviation, the National guard and the Ministry of the interior. Shiites are denied access to the army and military schools. Shiites are more represented in the ranks of the traffic police, municipalities and public schools in predominantly Shiite areas. There is no formal discrimination against the hiring and promotion of Shia in the private sector, however, in some companies that operate in the oil and petrochemical industries, there is a glass ceiling, and therefore even more highly qualified Shia workers cannot obtain management positions, unlike their less qualified Sunni counterparts.

In economic terms, the Shiites are considered the poorest residents of Saudi Arabia. They claim that they are deprived in the distribution of oil revenues. Media Kingdom completely ignore the presence of the Shiite problem. At the official level, this problem is also almost never addressed. At the same time, the Wahhabi community is actively discussing how loyal the Shiites are to the Saudi authorities (*Донцов, 2004. С.103*).

Shiites during the "Arab spring" held a number of mass protests, advocating for the improvement of their rights. However, these speeches were quickly and harshly suppressed by the authorities.

In January 2012, the police were ordered to disperse the Shiite demonstration in the small town of al-Awamiya in the Eastern province of the Kingdom. People came out to protest demanding to stop discrimination against Shiites, release political prisoners and carry out reforms. Soon the protest turned into a skirmish with the police, who opened fire on the crowd to kill. 3 people were wounded, 1 died from multiple bullet wounds (*В Саудовской*

Аравии ..., 2012). In July, mass Shia protests broke out in al-Qatif, in the Eastern province of Saudi Arabia, following the arrest by police of local spiritual leader Sheikh Nimr al-Nimr. In the growing clashes killed 2 people and 20 were injured (*Хайрутдинов*, 2012).

In 2014, as a result of the attack of armed people on the funeral procession of Shiites in the village of al-Dalyava in the Eastern province of Saudi Arabia, 5 people were killed, 9 more were received. According to Saudi police, three armed men on Monday evening fired machine guns at villagers as they left the building. At the same time, according to eyewitnesses, telling details in social networks, the attack on the villagers, where representatives of the Shiite minority live, was frankly religious in nature and occurred during the mourning ceremony of Ashur (the day of remembrance of Imam Hussein), when a group of people came out of Hussein (the place where the Shiites gather on the day of Ashur) (*Неизвестные расстреляли ...*, 2014). In the same year, it was reported that the Shiite Ayatollah Sheikh Nimr Bakir al-Nimr, who had been arrested a year earlier and criticized the Saudi regime and condemned discrimination on religious grounds, was sentenced to death. He was accused of anti-state activities. In August, actions were held in the al-Qatif region, participants of which demanded the release of al-Nimr and stop the repression against Shiites (*Saudis demand ...*, 2015).

In 2015, a Saudi Shia was sentenced to 2 months in prison and fined for hosting a group of several Shi'a pilgrims as guests (*Вышел доклад ...*, 2017).

On 2 January 2016, Riyadh announced the execution of 47 people convicted of terrorism and incitement to it. Among those executed was the Shiite preacher al-nimra, who was detained in Saudi Arabia in 2012 during protests in the East of the country (*Саудовская Аравия объявила ...*, 2016) and sentenced to death in 2014 after the Saudi court found him guilty (*Saudi Arabia: Prominent ...*, 2016). Executions caused unrest in a number of middle Eastern States, in particular in Iran. In Tehran, the demonstrators destroyed several premises of the Embassy of Saudi Arabia. Thousands of people took to the streets with slogans against the decision of the Saudi judiciary. A similar protest was held in Mashhad. There, the demonstrators tried to attack the Saudi Consulate, but were stopped by the police. A few days after the execution, there were protests in Katif, which were mostly peaceful, but there were gunfire from armored security vehicles (*Anger grows ...*, 2016).

In 2017, the Saudi authorities organized attacks on 6 Shiite mosques and religious buildings in the Eastern province and the city of Najran. More than 40 people were killed with impunity during those actions (*Инквизиция в Саудовской Аравии ...*, 2018). Since May, in the small town of al-Avamiya in the Eastern province of the Kingdom began fierce fighting between the Shiites and the Saudi security forces, which with great cruelty persecute the "terrorists". The city is under siege, surrounded by checkpoints. On 10 May, the bulldozers began the demolition of about 500 homes in the historic district of al-Mosavar (*Вайсфлог*, 2017). The center of the fighting, apparently, is al-Masor, the old quarter of the city. Heavy artillery was used in the fighting and at least 15 people were killed. Saudi authorities claim that Shiite militants used the narrow streets of the historical part Avaii, its dense housing as their shelters and emplacements (*В Саудовской Аравии ...*, 2017). After images of Canadian armored vehicles deployed against civilians became public, Ottawa began to consider stopping the sale of weapons to Saudi Arabia (*Matthias Von Hein*, 2017).

Thus, the Shia community of Saudi Arabia remains a discriminated minority whose political activity is severely suppressed by the ruling regime. The Sunni leadership of the country treats the Shiites as a risk group, a "fifth column" capable of destabilizing the Kingdom's statehood. The marginalization of the Shia minority has led to widespread protest movements, not all of which can be attributed to religious reasons or viewed as ideological ones. The deprivation of economic, social and economic opportunities is the main reason for the defensive reactions shown by the Shiite Muslims of Saudi Arabia.

Egypt

Shi'ism has a long pedigree in Egypt. Shiite Fatimids ruled Egypt for 200 years (969 - 1171) and formed its identity. About 90 % of Egyptians are Sunni Muslims, the number of Shiites in Egypt is estimated at 2.2 million people. The number of Shiite Egyptians remains a matter of dispute: there are no official records. Although some Shiite activists claim that their number exceeds 8 million (*Zeinab El-Gundy, 2013*).

Since the revolution of 25 January 2011, Egypt's religious identity has changed with the resurgence of tough Salafi groups and the ruling President of the Muslim Brotherhood. After the overthrow of President Mubarak, Shiite attempts at openness and political presence were met with Salafi threats. The leader of the Salafis, Mohammad El-Marakby, sharply rejected the intention of Egyptian Shiites to establish a political party and called upon other Muslims to fight this trend. He claimed that the Shiites in Egypt were trying to create a political party and a newspaper funded by Iran.

In September 2011, the Shiite minority of Egypt announced its intention to participate in the parliamentary elections scheduled for November, following in the footsteps of the Sunni Islamic movements, which reappeared in the political arena after the January uprising. Shiite leaders announced their intention to create a political party "Unity and freedom". "Since participation in politics has become a right for all Egyptians, we must also be represented in Parliament, like any other faction," said Ahmed al-Nafis, founder of the party of Unity and freedom. However, it is no wonder that Salafi leader Gamal al-Marakby rebuked members of the Shia community in Egypt in the intention to create a political party, declaring that Salafis will oppose this step.

In July 2012, a young Egyptian Shiite, Mohamed asfur, was sentenced to 3 years in prison for "insulting the companions of the prophet Mohammed", who are revered by Sunni Muslims. For the first time in Egyptian history, a Shia Muslim was imprisoned on this charge. The December report of the UN refugee Agency for 2012 highlighted the fact that Shiites are still unable to openly practice their religious rituals in Egypt. On November 25, 2012, Shiites were banned from entering the mosque to pray to Ashura. Some were even arrested. The authorities claim that the arrest was made because they did not have an identity card. They were interrogated, arrested and not allowed to participate in the event (*Shia Facing ..., 2012*).

In April 2013, the Ministry of foreign Affairs and civil aviation of Egypt established rules restricting the activities of Iranian tourists in Egypt, limiting them to places such as the ancient city of Luxor and resort areas of the red sea, like Sharm El Sheikh (*Ibrahim, 2015*). On 23 June 2013, after months of Wahhabi propaganda in the area, several hundred misinformed Sunni Muslims attacked and surrounded the home of Shia cleric Hassan Shahhata (former Sunni) in the village of Abu Musalam in Giza province. The crowd killed the cleric and 3 of his followers and dragged their bodies out into the street. The police did nothing to stop the attack.

As of 2017, non-governmental organizations continue to report that violence and propaganda against the Shiite minority continues. Anti-Shiite sentiments spread through education at all levels. Clerics educated at al-Azhar University publicly promote sectarian beliefs, calling Shia Muslims unfaithful and encouraging the isolation and marginalization of Shia Muslims in Egypt (*Shia Islam ..., 2018*).

Kuwait

In Kuwait, which is heavily influenced by Saudi Arabia, Shiites, who make up 30 per cent of the indigenous population, are also dissatisfied with their position in society. However, in recent years it has been possible to make the Shiites feel part of Kuwaiti society. The Shiite community is represented in the Kuwaiti Parliament - there is a small fraction of the national Islamic bloc, which expresses the interests of the Shiite part of the population. The

Shiite community occupies an important position not only in the political field, but also in the economy of the country - Shiites are especially noticeable among large and medium-sized entrepreneurs in the field of trade (*Кириченко, 2016. С.96*). Kuwaiti Shiites to use the religious freedom, but this freedom is relative. Meetings on the occasion of Ashura are allowed to them, and to arrange funeral processions is not allowed. Unlike Sunni mosques, the construction of Shiite mosques is not financed by the government. The establishment of training centres for Shiite clergy is not allowed. Shiites who would like to become imams have to study abroad, especially in Iraq and Iran, which is also not welcome. Thus, because of the policy of the authorities, although softer than in Saudi Arabia or Bahrain, but in fact still discriminatory, the Shiites of Kuwait feel their second-rate.

United Arab Emirates

The situation of the Shiite minority in the United Arab Emirates is almost the same as in Kuwait, where they account for 16 percent (*Анализ положения ..., 2017*). They enjoy religious freedom, but their mosques do not receive state funding. Shiites can't hold senior positions in the civil service, the army and the police, are subjected to hidden discrimination in business (*Алексеев, 2014. С.25*).

Conclusion

Thus, having considered the current state of the Shiite communities in the middle East, it can be stated that the relationship between the authorities in the countries and the Shiite communities of this region is contrasting. In countries such as Qatar and Oman, Shia citizens are not discriminated against or denied their rights. The opposite attitude of the authorities to the citizens of the Shiites felt in countries such as the Kingdom of Saudi Arabia, Kingdom of Bahrain and the Arab Republic of Egypt, where Shias are suffering from the persecution of the Sunni radicals, in a milder form it manifests in Kuwait and the United Arab Emirates. This attitude of the authorities to their citizens Shiites is argued by the already established stereotype of Shiites as the "fifth column" of the Islamic Republic of Iran.

So far, the regimes of the countries in which the oppressed Shiite community lives manage to control the situation using the traditional mechanism of checks and balances, the main elements of which are the security agencies and the official religious institution. This policy does not consolidate society within countries, but rather leads to its separation, and also pushes the Shiite community to political radicalization and open disobedience and creates a real danger of undermining the statehood of the regimes of the Middle East.

Литература

1. Алексеев В. Персидский залив превращается во "внутреннее шиитское море" // Современный Иран. 2014. №28. С.25
2. Донцов В.Е. Религиозно-политические движения шиитов в Саудовской Аравии // Ближний Восток и современность. 2004. №21. С.103
3. Кириченко В. Шиитский фактор в отношениях арабских стран Персидского залива и Ирана // Вестник Волгоградского государственного университета (Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения). 2016. Том 21. №4. С.96
4. Логинов И.В. О статусе шиитской общины в Саудовской Аравии // Ближний Восток и современность. 2003. №17. С.105
5. 6 легенд о событиях в Бахрейне (2014). Режим доступа: <http://survincity.ru/2014/07/shest-mifov-o-sobytiyah-v-bahrejne/>
6. Анализ положения шиитской общины в условиях современного мира (2017). Режим доступа: https://knowledge.allbest.ru/religion/2c0b65635a3bd79b4c43a88521316d36_1.html
7. В Иране и Бахрейне начались протесты после казни богослова в Саудовской Аравии (2016). Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2016/01/02/V_Irane_i_Bahrejne_nachali
8. В Саудовской Аравии полиция расстреляла протестующих шиитов (2012). Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/13/01/2012/5703f1c39a7947ac81a63d8b>
9. В Саудовской Аравии продолжаются столкновения полиции с местными шиитами (2017). Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/03/v-saudovskoy-avamii-prodolzhayutsya-stolknoveniya-policii-s-mestnymi-shiitami>

10. Вайсфлог К. Внутренняя война Саудовской Аравии (2017). Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170714/239805817.html>
11. Вышел доклад о дискриминации шиитов в Саудовской Аравии (2017). Режим доступа: <http://www.mihwar.ru/takfirizm/prestupleniya/item/vyshel-doklad-o-diskriminatsii-shiitov-v-saudovskoj-aravii.html>
12. Дискриминация и яркое нарушение прав шиитов в Саудовской Аравии (2015). Режим доступа: <http://russian.irib.ir/analitika/stati/item/264541-дискриминация-и-яркое-нарушение-прав-шиитов-в-саудовской-аравии>
13. Инквизиция в Саудовской Аравии переходит к запрету шиитского ислама в стране (2018). Режим доступа: <https://polit.ru/v-mire/3687-inkviziciya-v-saudovskoj-aravii-perehodit-k-zapretu-shiitskogo-islama-v-strane.html>
14. Косач Г. Саудовская Аравия: заявление шиитских богословов (2014). Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=20232>
15. Мясников В. Войска Саудовской Аравии победили в Бахрейне (2011). Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1302845040>
16. Неизвестные расстреляли шиитов в Саудовской Аравии во время траура (2014). Режим доступа: <https://ria.ru/20141104/1031637235.html?in=t>
17. Полиция Бахрейна подавляет протесты шиитского большинства (2017). Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2238998.html>
18. Саудовская Аравия объявила о казни 47 осуждённых (2016). Режим доступа: <https://golosislama.com/news.php?id=28782>
19. Федорченко А. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» (2013). Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/888>
20. Федуненко Е. Соотношение суннитов и шиитов в мире (2016). Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2889657>
21. Хайрутдинов А. Сирийский кризис и шиитский фактор напрягают руководство Саудовской Аравии (2012). Режим доступа: https://islam-today.ru/blogi/ajdar_hajrutdinov/sirijskij_krizis_i_shiitskij_faktor_napryagayut_rukovodstvo_saudovskoj_aravii/
22. Шииты в Бахрейне протестуют против лишения гражданства проповедника (2016). Режим доступа: <https://news.rambler.ru/asia/34082264-shiity-v-bahreyne-protestuet-protiv-lisheniya-grazhdanstva-propovednika/>
23. Anger grows in Saudi Arabia's Shia areas after executions (2016). Режим доступа: <https://tribune.com.pk/story/1023510/anger-grows-in-saudi-arabias-shia-areas-after-executions/>
24. Bahrain Revokes Citizenship of Prominent Shia Muslim Scholar (2016). Режим доступа: <https://thewire.in/religion/bahrain-revokes-citizenship-of-prominent-shia-muslim-scholar>
25. Becker O. The Arab Spring Never Quite Ended in Bahrain (2014). Режим доступа: https://news.vice.com/en_us/article/a38npg/the-arab-spring-never-quite-ended-in-bahrain
26. Ibrahim M. Ashura: A day in history of discrimination against Egyptian Shi'as (2015). Режим доступа: <https://www.dailynewsegypt.com/2015/10/24/ashura-a-day-in-history-of-discrimination-against-egyptian-shias/>
27. Matthias Von Hein. Is Saudi Arabia Waging War on its Shia minority? (2017). Режим доступа: https://www.realclearworld.com/articles/2017/08/10/is_saudi_arabia_waging_war_on_its_shia_minority_112495.html
28. Saudi Arabia: Prominent Shia Cleric dead in largest mass execution since 1980 (2016). Режим доступа: <https://www.juancole.com/2016/01/saudi-arabia-prominent-shia-cleric-dead-in-largest-mass-execution-since-1980.html>
29. Saudi Arabia - Shia (2016). Режим доступа: <https://www.globalsecurity.org/military/world/gulf/sa-shia.htm>
30. Saudis demand release Shia cleric (2015). Режим доступа: <http://kayhan.ir/en/news/4219/saudis-demand-release-of-shia-cleric>
31. Shia Facing new Restrictions and Discriminations in Egypt (2012). Режим доступа: <http://shiarightswatch.org/shia-facing-new-restrictions-and-discriminations-in-egypt/>
32. Shia Islam in Egypt (2018). Режим доступа: https://howlingpixel.com/i-en/Shia_Islam_in_Egypt
33. Zeinab El-Gundy. The Shias: Egypt's forgotten Muslim minority (2013). Режим доступа: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/151/67170/Egypt/Features/The-Shias-Egypt-forgotten-Muslim-minority.aspx>

References

1. Alekseyev, V. (2014) Persidskiy zaliv prevrashchayetsya vo "vnutrenneye shiitskoye more"[Persian Gulf turns into "internal Shiite sea"]. *Sovremennyy Iran [Modern Iran]*. No.28, P.25.

2. Dontsov, V.E. (2004) Religiozno-politicheskiye dvizheniya shiitov v Saudovskoy Aravii [Religious and political movements of Shiites in Saudi Arabia]. *Blizhniy Vostok i sovremennost'* [middle East and modernity], No.21, P.103.
3. Kirichenko, V. (2016) SHiitskiy faktor v otnosheniyakh arabskikh stran Persidskogo zaliva i Irana [Shiite factor in relations between the Arab countries of the Persian Gulf and Iran]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta (Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya)* [Bulletin of the Volgograd state University (Series 4: History. Regional studies. International relations)], Vol.21, No.4, P. 96.
4. Loginov, I.V. (2003) O statuse shiitskoy obshchiny v Saudovskoy Aravii [On the status of the Shiite community in Saudi Arabia]. *Blizhniy Vostok i sovremennost'* [middle East and modernity], No.17, P.105.
5. 6 legend o sobytiyakh v Bakhreyne [6 legends about events in Bahrain] (2014). Available at: <http://survincity.ru/2014/07/shest-mifov-o-sobytiyah-v-bahrejne/>
6. Analiz polozheniya shiitskoy obshchiny v usloviyakh sovremennogo mira [Analysis of the situation of the Shiite community in the modern world] (2017). Available at: https://knowledge.allbest.ru/religion/2c0b65635a3bd79b4c43a88521316d36_1.html
7. V Irane i Bakhreyne nachalis' protesty posle kazni bogoslova v Saudovskoy Aravii [In Iran and Bahrain protests began after the execution of the theologian in Saudi Arabia] (2016). Available at: https://www.dp.ru/a/2016/01/02/V_Irane_i_Bahrejne_nachali
8. V Saudovskoy Aravii politsiya rasstrelyala protestuyushchikh shiitov [In Saudi Arabia, police shot Shia protesters] (2012). Available at: <https://www.rbc.ru/politics/13/01/2012/5703f1c39a7947ac81a63d8b>
9. V Saudovskoy Aravii prodolzhayutsya stolknoveniya politsii s mestnymi shiitami [In Saudi Arabia, police clashes with local Shiites continue] (2017). Available at: <https://easily.com/ru/news/2017/08/03/v-saudovskoy-avamii-prodolzhayutsya-stolknoveniya-policii-s-mestnymi-shiitami>
10. Weisflog K. (2017) Vnutrennyaya voyna Saudovskoy Aravii [Internal war of Saudi Arabia]. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20170714/239805817.html>
11. Vyshel doklad o diskriminatsii shiitov v Saudovskoy Aravii [A report on discrimination against Shiites in Saudi Arabia] (2017). Available at: <http://www.mihwar.ru/takfirizm/prestupleniya/item/vyshel-doklad-o-diskriminatsii-shiitov-v-saudovskoy-aravii.html>
12. Diskriminatsiya i yarkoye narusheniye prav shiitov v Saudovskoy Aravii [Discrimination and flagrant violation of Shia rights in Saudi Arabia] (2015). Available at: <http://russian.irib.ir/analitika/stati/item/264541-diskriminatsiya-i-yarkoye-narusheniye-prav-shiitov-v-saudovskoy-aravii>
13. Inkvizitsiya v Saudovskoy Aravii perekhodit k zapretu shiitskogo islama v strane [The Inquisition in Saudi Arabia moves to ban Shiite Islam in the country] (2018). Available at: <https://politus.ru/v-mire/3687-inkvizitsiya-v-saudovskoy-aravii-perekhodit-k-zapretu-shiitskogo-islama-v-strane.html>
14. Kosach G. (2014) Saudovskaya Araviya: zavavleniye shiitskikh bogoslovov [Saudi Arabia: statement by Shiite theologians]. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=20232>
15. Myasnikov V. (2011) Voyska Saudovskoy Aravii pobedili v Bakhreyne [Saudi troops defeated in Bahrain]. Available at: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1302845040>
16. Neizvestnyye rasstrelyali shiitov v Saudovskoy Aravii vo vremena traury [Unknown shot Shiites in Saudi Arabia during mourning] (2014). Available at: <https://ria.ru/20141104/1031637235.html?in=t>
17. Politsiya Bakhreyne podavlyayet protesty shiitskogo bol'shinstva [Bahraini police suppress the protests of the Shiite majority] (2017). Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2238998.html>
18. Saudovskaya Araviya ob'yavila o kazni 47 osuzhdyonnykh [Saudi Arabia has announced the execution of 47 convicts] (2016). Available at: <https://golosislama.com/news.php?id=28782>
19. Fedorchenko A. (2013) Mezkhkossional'nyye protivorechiya v Saudovskoy Aravii: «shiitskiy vopros» [Interfaith contradictions in Saudi Arabia: "Shiite question"]. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/888>
20. Fedunenko E. (2016) Sootnosheniye sunnitov i shiitov v mire [the Ratio of Sunnis and Shiites in the world]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2889657>
21. KHayrutdinov A. (2012) Siriyskiy krizis i shiitskiy faktor napryagayut rukovodstvo Saudovskoy Aravii [the Syrian crisis and the Shiite factor are straining the leadership of Saudi Arabia]. Available at: https://islam-today.ru/blogi/ajdar_xajrutdinov/sirijskiy_krizis_i_shiitskiy_faktor_napryagayut_rukovodstvo_saudovskoy_aravii/
22. SHiity v Bakhreyne protestuyet protiv lisheniya grazhdanstva propovednika [Shiites in Bahrain protest against the deprivation of citizenship of the preacher] (2016). Available at: <https://news.rambler.ru/asia/34082264-shiity-v-bahreyne-protestuet-protiv-lisheniya-grazhdanstva-propovednika/>
23. Anger grows in Saudi Arabia's Shia areas after executions (2016). Available at: <https://tribune.com.pk/story/1023510/anger-grows-in-saudi-arabias-shia-areas-after-executions/>

24. Bahrain Revokes Citizenship of Prominent Shia Muslim Scholar (2016). Available at: <https://thewire.in/religion/bahrain-revokes-citizenship-of-prominent-shia-muslim-scholar>
25. Becker O. (2014) The Arab Spring Never Quite Ended in Bahrain. Available at: https://news.vice.com/en_us/article/a38npk/the-arab-spring-never-quite-ended-in-bahrain
26. Ibrahim M. (2015) Ashura: A day in history of discrimination against Egyptian Shi'as. Available at: <https://www.dailynewsegypt.com/2015/10/24/ashura-a-day-in-history-of-discrimination-against-egyptian-shias/>
27. Matthias Von Hein (2017) Is Saudi Arabia Waging War on its Shia minority? Available at: https://www.realclearworld.com/articles/2017/08/10/is_saudi_arabia_waging_war_on_its_shia_minority_112495.html
28. Saudi Arabia: Prominent Shia Cleric dead in largest mass execution since 1980 (2016). Available at: <https://www.juancole.com/2016/01/saudi-arabia-prominent-shia-cleric-dead-in-largest-mass-execution-since-1980.html>
29. Saudi Arabia - Shia (2016). Available at: <https://www.globalsecurity.org/military/world/gulf/sa-shia.htm>
30. Saudis demand release Shia cleric (2015). Available at: <http://kayhan.ir/en/news/4219/saudis-demand-release-of-shia-cleric>
31. Shia Facing new Restrictions and Discriminations in Egypt (2012). Available at: <http://shiarightswatch.org/shia-facing-new-restrictions-and-discriminations-in-egypt/>
32. Shia Islam in Egypt (2018). Available at: https://howlingpixel.com/i-en/Shia_Islam_in_Egypt
33. Zeinab El-Gundy (2013) The Shias: Egypt's forgotten Muslim minority. Available at: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/151/67170/Egypt/Features/The-Shias-Egypt-forgotten-Muslim-minority.aspx>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сальников Артём Владимирович, стажер-исследователь Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
E-mail: artem.salnikov.94@mail.ru

Salnikov Artem Vladimirovich, trainee researcher, Institute of sociology and Regional Studies, Southern Federal University
E-mail: artem.salnikov.94@mail.ru

Поступила в редакцию

10 июля 2019 г.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ РЕГИОНА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

УДК 316.74

Досуговые практики молодежи Северного Кавказа (по результатам экспертного опроса)

А.С. Демиденко

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации досуговых практик молодежи Северного Кавказа и России в целом. Выявлены основополагающие факторы, влияющие на досуг: трансформация духовной сферы общества, ценность времени, развитие телекоммуникационных технологий. Основываясь на материалах авторского социологического исследования, обоснованы причины преобладания пассивного досуга (просмотр фильмов, прослушивание музыки, общение в сети Интернет) и его постепенной виртуализации, а также предложены меры, способствующие формированию ценностей активного и созидательного досуга в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, досуг, Северный Кавказ, виртуализация досуга, государственная молодежная политика.

Для цитирования: Демиденко А.С. Досуговые практики молодежи Северного Кавказа (по результатам экспертного опроса) // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2. №3. С. 22-28.

Leisure activities of the youth of the North Caucasus (based on an expert survey)

Anna S. Demidenko

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article discusses the problems of implementing leisure activities of youth in the North Caucasus and Russia as a whole. The fundamental factors affecting leisure are identified: the transformation of the spiritual sphere of society, the value of time, the development of telecommunication technologies. Based on the materials of the author's sociological study, the reasons for the predominance of passive leisure (watching movies, listening to music, communicating on the Internet) are justified. and its gradual virtualization, as well as measures are proposed that contribute to the formation of the values of active and creative leisure in the youth environment.

Keywords: youth, leisure, North Caucasus, leisure virtualization, state youth policy.

For citation: Demidenko A.S. Leisure activities of the youth of the North Caucasus (based on an expert survey) // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №3. P. 22-28.

Введение

В жизни молодых людей значимый аспект жизнедеятельности занимает досуг, являющийся одним из основополагающих элементов культуры. Сфера досуга выступает одним из показателей социальных и культурных особенностей молодежи. Зачастую досуг дает возможность для самореализации молодежи, это своеобразная визитная карточка, позволяющая получить информативное представление о том, чем живет молодежь и показывающая особенности экономического положения и ценностного базиса. Помимо этого, досуг может выполнять функции воспитания и самовоспитания молодежи.

В условиях трансформации духовной сфере нашей страны, появился ряд актуальных вопросов, важное место среди которых занимают досуговые предпочтения молодежи. Досуг двойственен по своей природе. С одной стороны, это может быть бесполезное времяпрепровождение. С другой стороны, досуг важен для духовного и личностного развития молодых людей.

Стоит отметить, что современная молодежь в процессе досуговой деятельности большую часть времени посвящает общению в молодежных группах, где возникают различные виды молодежной субкультуры, которые воздействуют на формирование стратегии жизни.

Теоретические основы исследования

Исследование досуговых практики требует обращения к источникам, которые раскрывают понятие досуга. Теоретическое осмысление досуга отражено в работах как отечественных, так и зарубежных ученых.

Один из главных исследователей досуга Ж. Дюмазедье считает, что досуговая деятельность основана на трех составляющих: стремление добиться состояния расслабления и релаксации, увеличение объема различных знаний, что способствует тренировки памяти и улучшает эмоциональное состояние, а также возможность для расширения участия людей в различных социальных группах, а также в межличностном общении (Дюмазедье, 1966).

Ж. Дюмазедье пришел к вводу, что досуг в жизни людей, которые живут в развитых странах, практически не уступает рабочему времени и имеет тенденцию к увеличению. Досуг, выступая одной из сфер жизнедеятельности, оказывает влияние на развитие ряда отраслей экономики, способствуя созданию досуговой инфраструктуры в обществе.

Т.А. Погрешаева считает досуг как время, свободное от работы (Погрешаева, 2000). Противоположное мнение имеет О.В. Понукалина (Понукалина, 2001), которая не считает свободное время и досуг тождественными.

Работы О.А. Даниловой посвящены изучению вопросов взаимосвязи досуга и труда. По ее мнению, досуг – это время свободное от труда в сфере занятости и от воспроизводства жизненных функций человека в домашнем хозяйстве и социальных отношений (Данилова, 2000).

Ряд таких отечественных ученых, как Ю.Н. Давыдов, Н.Н. Зарубина, Г.Е. Зборовский также внесли весомый вклад в изучении досуговой проблематики.

Особое внимание стоит уделить изучению проблематики досуга молодежи. Среди ученых, внесших вклад в исследование данного вопроса, были А.А. Вишнякова, О.С. Жамсуева, А.В. Суловицкая и др.

В своих работах ученые указывали на комплексность проблемы организации досуга молодежи. В связи с этим возникает необходимость вовлечения различных социальных институтов в данный процесс. Однако стоит учитывать досуговые предпочтения молодых людей, и оказывать им помощь в организации досуга.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что в изучении вопросов досуговой деятельности в качестве базовых понятий ученые используют термины «досуг» и «свободное время», которые не всегда являются синонимами. Таким образом, досуг имеет различные определения. Ряд ученых под досугом понимают ценность, противопоставленную труду. Другие считают, что досуг – это время, в течение которого люди заняты свободной самореализацией (Ярошевич, 2014).

В нашем исследовании под досугом мы понимаем множество видов деятельности, которые осуществляются людьми в свободное от бытовой и профессиональной сфер время. В этом понимании досуг выполняет функцию восстановления социальных и духовных ресурсов, а также физических сил (Коржева, 1988).

Обсуждение

Досуг изменился за последние несколько десятков лет. Это обусловлено не только увеличением возможностей досуга молодежи, но и формированием ценности времени. Количество свободного времени у молодежи сокращается за счет повышения учебной нагрузки, построение карьеры. Но, с то же время, современный уклад жизни существенно упрощает бытовые вопросы и дает больше времени на самореализацию.

Ежедневные социальные контакты и общение способствуют формированию типа досуговых предпочтений. Современные реалии показывают снижение количе-

ства свободного времени, тем ценнее его должна проводить молодежь. Однако наличие свободного времени отнюдь не означает, что молодые люди имеют полноценный досуг.

Под полноценным досугом мы понимаем тип досуга, который дает возможности для восстановления сил, саморазвития, самореализации и самосовершенствования. Трата свободного времени в режиме «ничего неделания» дает лишь иллюзию отдыха и препятствует развитию человека как личности.

Сегодня свободное время и возможность грамотно его проводить в условиях быстрого темпа жизни ценится не меньше, чем хорошая работа. Наиболее всего это актуально для молодого поколения. Мы разделяем позицию Е.Л. Омельченко в том, что молодёжная культура в большей степени ассоциируется со сферой отдыха и досуга (*Омельченко, 2000*), которая интегрирует молодежь в особую социальную общность. Именно в этой сфере общественной жизни она проявляет себя в ином ракурсе, выражая свои ценности и мировоззрение. Поэтому досуг является одним из главных доступных для исследования предметов в социологии.

Современный досуг разнообразен. Выбор типа досуга зависит, с одной стороны, от уровня культурного развития самого молодого человека, что формирует определенные целевые установки и запросы молодежи, с другой стороны, современный социум предоставляет различные возможности для реализации этих самых запросов и интересов. Возможности раскрываются в системе организационных форм, которые обеспечивают реализацию различных типов досуговой деятельности.

Молодежь наиболее восприимчива к различным инновациям, оказывающих влияние на формирование личности. По сравнению со старшим поколением, молодежь зависима от компьютеров, гаджетов, Интернета, смартфонов и др., которые вошли в среду досуга, постепенно заменяя прежние формы свободного времяпровождения. Также для определенного процента молодежи характерно доминирование гедонистической ориентации на получение от досуга только удовольствия и развлечения.

Эмпирическая база исследования

Различные социологические исследования (*Двадцать лет..., 2011*) показывают, что молодежь предпочитает пассивный досуг (просмотр телевизора, прослушивание музыки, социальные сети, чтение книг и др.) (*Радостные занятия..., 2018*). Лидирующую позицию занимает традиционный досуг, который не требует значительных материальных трат и большой социальной включенности. Однако такое пассивное времяпрепровождение изменилось за счет виртуализации досуга: каждый пятый представитель поколения миллениума получает удовольствие от компьютерных игр (*Радостные занятия ..., 2018*).

Также большой процент молодежи предпочитает проводить свой досуг посредством различных видов общения: друзья, социальные сети, интернет-сообщества.

Активный досуг – важный показатель качества жизни, и он начинается только в условиях спектра расширения внедомашних типов досуговой деятельности: рекреационной, культурной, развлекательной, общественной деятельности и пр. Однако походы в кино, театры, концерты, клубы, включенность в работу общественных институтов и пр. требуют не только материальных затрат, но и интеллектуальных. Только при таких условиях будет формироваться наибольшая полнота социальной жизни. В связи с этим, по мнению Н.М. Давыдовой, активный досуг находится на вершине иерархии типологии досуговой деятельности, как наиболее разнообразный, богатый и социально привлекательный (*Изменяющаяся..., 2004*).

Заметим, что сегодня культурная составляющая досуга молодежи преимущественно находится в сфере массовой культуры. Традиционные виды культурного досуга, пережив кризис интересов, изменились через адаптацию к запросам молодежи. Чаще всего, предпочтение отдается посещению кинотеатров, концертов, баров и пр. Согласно социологическим данным, 84 % молодежи в возрасте 18 – 24 года и 74% в возрасте 25 -34 лет чаще всего ходят в кино, 42 % опрошенных ходят на праздники местного уровня (день города и пр.), 28% и 26% соответственно посещали концерты (*Культурный фронт...*, 2017).

Среди опрошенной молодежи (87%) есть знакомые, которые интересуются и активно посещают культурные мероприятия (*Культурная жизнь...*, 2018). Эти данные могут составить благоприятную тенденции для формирования активного типа досуга.

Обратим внимание, что удовлетворенность досугом зависит также и от того, как проводит молодежь свободное время ежедневно. Больше всего молодые люди свободное время тратят на Интернет и социальные сети и общению с друзьями. Свыше 60 % опрошенной молодежи считает, что Интернет оказывает положительное влияние на жизнь, т.к. он стирает границы в общении, аккумулирует много полезной информации и помогает решать вопросы.

Вышеприведенная статистика показывает ситуацию в целом по стране и для Северного Кавказа не является исключением. Мы знаем, что Северный Кавказ подвержен сильному влиянию традиций. Однако сегодня традиционные культуры меняются под воздействием цивилизационных факторов. Утрата элементов традиционной культуры привела к возрождению только основные ее элементы, а не весь культурный контур. Поэтому молодежь Северного Кавказа стала перед проблемой выбора между новациями и традициями (*Апажаева С.С., Унежев К.Х., Зумакулов Б.М., Мамсиоров А.Х., 2017*).

Досуговые практики изучаемого региона сильно дифференцированы по типу поселения: в крупных городах более разнообразный выбор способа свободного времяпрепровождения, в то время, как в малых городах и сельской местности наблюдается дефицит мест, которые могли бы стать потенциально пригодными для проведения досуга. Также отсутствуют площадки, где молодежь могла бы собираться и организовывать досуг. Организация таких мест позволит молодым людям реализовывать и развивать свои идеи.

Распространены различные молодежные организации, ориентированные на развитие спорта, здоровый образ жизни, решение важных социальных вопросов, однако, подобные объединения функционируют только в городах, а молодежь сельской местности остается не вовлеченной в общественную жизнь региона. Также многие молодежные организации, даже имея развлекательный и досуговый характер, отстают от сегодняшних потребностей молодежи, наблюдается дефицит творческого поиска форм организации досуга на основе народных традиций.

Происходящие в стране глобализационные процессы между регионами расширяют коммуникационное взаимодействие, усиливают мобильность, что, с одной стороны, дает возможность, самореализации для молодежи, а, с другой стороны, велик риск конфликтов, особенно на бытовой почве, в частности, в проведении досуга и межличностного общения. В связи этим, актуальность приобретают воспитательные и культурнопросветительские меры, которые необходимо проводить в регионах. Особое значение имеют различные молодежные форумы, которые направлены не только на гармонизации межэтнических отношений, но и на выполнение культурно-досуговых функций (*Молодежь...*, 2014).

Результаты

С целью изучения проблем социального развития и жизнедеятельности современной российской молодежи в 2019 году был проведен экспертный опрос. По стандартизированной анкете в 8 федеральных округах было опрошено 100 экспертов, из которых 42 эксперта – представители научных и образовательных учреждений, молодежных организаций и органов исполнительной власти, территориально расположенных на Северном Кавказе.

Две трети опрошенных экспертов объяснили преобладание пассивного досуга тем, что современная молодежь – цифровое поколение, для которого Интернет с его коммуникативными и информационными возможностями стал средой социализации и реализации досуговой деятельности, что показывает стирание границ между реальным и онлайн общением.

Еще треть экспертов считают, что пассивный досуг является следствием внешних факторов – у молодежи нет финансовой возможности проводить свой досуг активно и ограниченный выбор проведения досуга, в населенном пункте, где проживает молодежь. 29% считают, что современная система образования неэффективно выполняет функцию формирования культуры досуга.

Вопросы виртуализации досуга молодежи, вызывают различные точки зрения у экспертов. 57% респондентов Интернет не рассматривают в негативном ключе, т.к. он может служить источником для саморазвития и самореализации молодежи. Другая позиция заключается в том, что Интернет-среда и «сетевые» практики молодежи становятся формой зависимости молодежи и ее неспособности решать жизненные (бытовые, учебные, профессиональные и иные) задачи без привлечения Интернет-ресурсов, развивающих информационную и технологическую культуру молодежи, но ограничивающие ее потенциал развития за счет собственных интеллектуальных ресурсов, ее поддержало 38% экспертов.

Подобная тенденция может говорить о становлении в скоро будущем информационного общества. 40 % экспертов полагают, что в дальнейшем «сетевой» досуг молодежи приведет к снижению уровня здоровья общества и демографическим проблемам, Столько же опрошенных респондентов – к интеллектуальной деградации и клиповому мышлению. Но есть и положительный взгляд у экспертов, 33% экспертов считают, что появятся новые формы досуговой деятельности, отличающихся от ныне существующих и способствующих развитию последующих молодых поколений.

Решить проблему формирования ценностей активного и созидательного досуга в молодежной среде можно, по мнению 55 % респондентов, можно с помощью создания доступной инфраструктуры для активной досуговой деятельности молодежи. Помимо этого, эксперты предложили такие стратегии в улучшении досуговых практики через такие механизмы, как развитие государственной молодежной политики в области досуга и ее эффективную реализацию в регионе (43%), формирование культуры потребления Интернет-ресурсов (40%) и поддержки талантливой молодежи (38%).

В целях развития досуга молодежи в 2012 году была утверждена Концепция государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года. Концепция предполагает реализацию ряда мероприятий, направленных на организацию бесплатных спортивных секций и творческих кружков, развитие волонтерского движения, создание кружков по интересам на базе местных органов по делам молодежи, а также взаимодействие с молодежными объединениями.

Проведенный социологический опрос экспертов, а также анализ уже имеющихся исследований досуга молодежи показывают, что формы проведения досуга

молодежи Северного Кавказа аналогичен с данными по стране в целом, мнения опрошенных экспертов совпадают во всех федеральных округах.

Заключение

Досуг – важная сфера повседневности, которая стремительно меняется в последнее время, что обусловлено расширением возможностей досуга для молодежи и ценностью свободного времени. Молодежь, являясь самой быстро реагирующей социальной группой, показывает самую высокую активность в освоении новых форм и возможностей организации досуга.

Мы приходим к выводам, что на формирование досуговых практик молодежи оказывают влияние нехватка свободного времени, преобладание ценности индивидуализма, повсеместное распространение сети Интернет.

Организация досуга молодежи является неотъемлемой частью молодежной политики государства. Сегодня в молодежной среде актуальна потребность в развитии возможностей для активного отправления досуга. В связи с этим, по-нашему мнению, необходимо создание для молодежи возможности проводить свой досуг с помощью участия в молодежных проектах и мероприятиях.

Литература

1. Апажаева С.С., Унежев К.Х., Зумакулов Б.М., Мамсиров А.Х. Современная молодежь Северного Кавказа: проблема выбора между традициями и новациями // Ежеквартальный рецензируемый, реферированный научный журнал «Вестник АГУ». 2017. № 4 (209). С. 32-42.

2. Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В., Бызов Л.Г. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2011.-328 с.

3. Данилова О.А. Проблема взаимосвязи труда и досуга в современной западной социальной философии: Автореф. дисс. ... кандидата филос. наук. Чебоксары, 2000.

4. Дюмазедье Ж. Планирование досуга и культурное развитие // Образование взрослых и досуг в современной Европе. Прага: «Обрис», 1966. С. 51-59.

5. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии/ Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. - М.: Летний сад, 2004. - 280 с.

6. Коржева Э.М. Досуг // Краткий словарь по социологии. Политиздат, 1988. С. 67.

7. Культурная жизнь россиян: динамика основных показателей [Электронный ресурс] (опубликовано 29.11.2018 г.) // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3827. URL <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9459> (Дата обращения 07.04.2019)

8. Культурный фронт: запросы и возможности [Электронный ресурс] (опубликовано 01.02.2017 г.) // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3298. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116048> (Дата обращения: 07.04.2019).

9. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, М.А. Аствацатурова, В.В. Степанов. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2014. – 101 с.

10. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М., 2000. 262 с.

11. Погрешаева Т.А. Свободное время человека в условиях трансформируемого общества .Саратов: Изд-во СГУ, 2000

12. Понукалина О.В. Досуг в условиях трансформаций российского общества // Российское общество в условиях социального кризиса. Сб. науч. тр. Саратов: СГТУ, 2001.

13. Радостные занятия [Электронный ресурс] (опубликовано 24.05.2018 г.) // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/05/24/radostnye-zanyatiya/> (дата обращения 25.05.2019)

14. Ярошевич Т.М. Досуг: теоретические аспекты, структура и содержания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1.

References

1. Apazhayeva, S.S., Unezhev K.KH., Zumakulov B.M., Mamsirov A.KH. Sovremennaya molodezh' Severnogo Kavkaza: problema vybora mezhdru traditsiyami i novatsiyami [Modern North Caucasian youth: the choice problem between tradition and innovations]. Yezhekvartal'nyy retsenziruyemyy, referiruyemyy nauchnyy zhurnal «Vestnik AGU» [Quarterly peer-reviewed, peer-reviewed scientific journal of Adughe State University], 4 (209), 32-42. (In Russian).

2. Gorshkov M.K., Krumm R., Petukhov V.V., Byzov L.G. (2011). Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov [Twenty years of reform through the eyes of Russians: the

experience of many years of sociological measurements]. In Gorshkov M.K., Krumm R., Petukhov V.V. Moscow: Ves Mir.

3. Danilova, O.A. (2000). Problema vzaimosvyazi truda i dosuga v sovremennoy zapadnoy sotsial'noy filosofii [The problem of the relationship of labor and leisure in modern Western social philosophy]. (Candidate Dissertation, Cheboksary).

4. Dymazed'ye, ZH. (1966). Planirovaniye dosuga i kul'turnoye razvitiye [Leisure planning and cultural development]. Obrazovaniye vzroslykh i dosug v sovremennoy Yevrope [Adult and leisure education in modern Europe], 51-59.

5. Gorshkov, M.K., Tikhonova N.Ye. (2004). Izmenyayushchayasya Rossiya v zerkale sotsiologii [Changing Russia in the mirror of sociology]. In M.K Gorshkov & N.Ye. Tikhonova (Eds.). Moscow: Letniy sad/

6. Korzheva E.M. (1988). Dosug. Kratkiy slovar' po sotsiologii [Leisure // A Brief Dictionary of Sociology]. Politizdat.

7. Kul'turnaya zhizn' rossiyan: dinamika osnovnykh pokazateley (2018). Available at: URL <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9459>.

8. Kul'turnyy front: zaprosy i vozmozhnosti (2017). Available at: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116048>.

9. Molodezh' v polietnichnykh regionakh Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga [Youth in the multiethnic regions of the North Caucasus Federal District. Expert report] (2014). In V.A. Tishkov, M.A. Astvatsaturova, V.V. Stepanov. Pyatigorsk: PGLU.

10. Omel'chenko, Ye. L. (2000). Molodezhnyye kul'tury i subkul'tury [Youth cultures and subcultures]. Moscow: Institut sotsiologii RAN. (In Russian).

11. Pogreshayeva, T.A. (2000). Svobodnoye vremya cheloveka v usloviyakh transformiruyemogo obshchestva [Human free time in a transformed society]. Saratov: SGU.

12. Ponukalina, O.V. (2001). Dosug v usloviyakh transformatsiy rossiyskogo obshchestva [Leisure in the conditions of transformations of Russian society]. In Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh sotsial'nogo krizisa [Russian society in the conditions of a social crisis]: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Saratov: SGTU.

13. Radostnyye zanyatiya (2018). Available at: URL: <https://www.levada.ru/2018/05/24/radostnye-zanyatiya>

14. Yaroshevich T.M. (2014). Dosug: teoreticheskiye aspekty, struktura i sodержaniya [Leisure: theoretical aspects, structure and content]. Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [Humanities, social-economic and social sciences], 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Демиденко Анна Сергеевна
Аспирант,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета;
E-mail: ademidenko@sfedu.ru

Demidenko Anna Sergeevna
Post-graduate student of the Institute of
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
E-mail: ademidenko@sfedu.ru

Поступила в редакцию

14 июля 2019 г.

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

УДК 316.74

**Россия в современной системе международных отношений
в оценках студенческой молодежи Северного Кавказа****В.С. Левшин, Ю.О. Болотин***Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В статье анализируются результаты фокус-группового исследования, проводившегося в рамках молодежного научно-просветительского проекта «Мир Кавказу». Результатом стала совокупность мнений студентов вузов Северного Кавказа относительно ситуации в мировой политике.

Особое внимание уделяется отношению студентов к внешней политике Российской Федерации, оценке ее положения на мировой арене.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, молодежь, фокус-группа.

Для цитирования: Левшин В.С., Болотин Ю.О. Россия в современной системе международных отношений в оценках студенческой молодежи Северного Кавказа // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2. №3. С. 30-38.

**Russia in the modern system of international relations in assessments of student
youth in the North Caucasus****Valeriy S. Levshin, Yuriy .O. Bolotin***Sothern Federal University**Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article analyzes the results of a focus-group study conducted as part of the youth scientific and educational project "Peace to the Caucasus". The result was a combination of opinions of university students in the North Caucasus regarding the situation in world politics.

Particular attention is paid to the attitude of students to the foreign policy of the Russian Federation, the assessment of its position on the world stage.

Keywords: foreign policy, international relations, youth, focus group.

For citation: Levshin V.S., Bolotin Y. O. Russia in the modern system of international relations in assessments of student youth in the North Caucasus // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №3. P. 30-38.

В рамках реализации молодежного научно-просветительского проекта «Мир Кавказу» было проведено фокус-групповое исследование, направленное на выявление оценочных суждений студенческой молодежи Северного Кавказа относительно роли и положения России в современной системе международных отношений.

Фокус-групповое исследование было проведено на территории шести субъектов Северо-Кавказского федерального округа (республика Дагестан, Чеченская республика, республика Ингушетия, республика Северная Осетия-Алания, республика Кабардино-Балкария, Ставропольский край), а также в республике Адыгея, являющейся частью Северо-Кавказского экономического района, и в Ростовской области.

Исследование проходило в формате общения со студентами ведущих региональных вузов вышеуказанных субъектов. В частности, свое мнение относительно поставленных вопросов высказывали студенты Дагестанского государственного университета, Чеченского государственного университета, Ингушского государственного университета, Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, филиала Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Майкопского государственного технологического университета, Южного федерального университета.

Для выявления мнений респондентов были обозначены три блока проблем:

– украинский кризис как катализатор международной напряженности;

- Ближний Восток в фокусе геополитического противостояния;
- геополитическая конфронтация России и США: борьба за сферы влияния.
- Дискуссию предварял вопрос: «Какое событие российской внешней политики за последние 5 лет, на Ваш взгляд, имело наибольшее значение для современной системы международных отношений?». По результатам ответа на вопрос были получены следующие данные:
 - абсолютное большинство респондентов назвали вхождение Крыма в состав Российской Федерации главным событием российской внешней политики за последние 5 лет;
 - вторым по популярности ответом стало введение Россией своих вооруженных сил на территорию Сирийской Арабской республики;
 - чуть более половины ответов респондентов были посвящены ухудшению отношений между Россией и США (однако два вышеназванных пункта постоянно связывались с данным тезисом). Здесь респонденты указывали на введение санкционного режима для Российской Федерации, так называемое «дело Скрипалей», незаконные аресты российских граждан на территории США и т.д.

Тем не менее, треть респондентов при описании вхождения Крыма в состав РФ использовали определения «аннексия», «завоевание». Два респондента указали, что вхождение Крыма было не легитимным процессом. Также, стоит отметить, что при перечислении всех событий, их результат в большинстве случаев сводился респондентами к отношениям России и США. Данный факт определяет то, что отношения двух стран на мировой арене являются наиболее интересным и волнующим процессом для студенческой молодежи.

В абсолютном большинстве фокус-группы респонденты определили такой же блок проблем, который предлагался и нами. Первым из них стало рассмотрение украинского кризиса как катализатора международной напряженности. Перед тем, как задать первый вопрос блока, ведущий фокус-группы рассказал респондентам о предыстории конфликта на территории Украины и его современном освещении в средствах массовой информации. После этого, респондентам было предложено ответить на первый вопрос блока: «Какой Вам представляется текущая расстановка сил в украинском кризисе, и видите ли Вы какие-либо конструктивные пути его решения?». По результатам ответов на вопрос были получены следующие данные:

- Абсолютное большинство респондентов считает, что Украина как сторона конфликта не сможет решить его самостоятельно, без международного посредничества. Тем не менее, данное посредничество должно быть в опосредованной форме, т.к. более половины респондентов заявило о том, что Украина, на данный момент, выступает как площадка для столкновения России и США;
- Многие респонденты отметили серьезную роль СМИ в украинском кризисе. Роль СМИ была определена через высказывания о том, что «...так как СМИ все меньше говорят об Украине, конфликт уже пошел на спад», «...слишком сильная пропаганда СМИ у всех государств, попавших в конфликт, невозможно точно сказать, кто прав, а кто виноват»;
- Большинство респондентов отметили, что состоявшиеся выборы на Украине и выбранный Президент Владимир Зеленский могут вывести конфликт к логическому завершению, новый Президент может обеспечить конструктивный диалог;
- Мнение респондентов разделилось в примерном отношении 70/30 (70% против, 30% за) относительно возвращения ДНР и ЛНР в состав Украины. Тем не менее, большинство респондентов отметили, что Россия должна «...вывести свои войска с территории Украины и ограничить свое военное присутствие» так же, как и Украина, «...народ Донбасса должен сам решать свою судьбу».

Данный вопрос вызывал наибольшую дискуссию у респондентов в контексте роли России в украинском кризисе. Основные позиции, которые высказывались в данном вопросе, были следующими: Россия является гарантом прав и свобод на территории постсоветского пространства, и она должна помогать легитимному правительству и народу Донбасса в борьбе с оппозиционными радикалами (более половины респондентов); Россия должна сохранять нейтралитет в вопросе Украины и дать возможность суверенному государству самостоятельно решать свою судьбу (около 30% респондентов); Россия сама виновата в конфликте на территории Украины, ДНР и ЛНР вышли из состава Украины после аннексии Крыма (около 10% респондентов).

После ответа на первый вопрос, респондентам были представлены 3 сценарных варианта развития конфликта на территории Украины, которые выделяют современные эксперты:

1) Россия выступает за строгое соблюдение Минских договоренностей, ключевым положением которых является тезис о предоставлении ЛНР и ДНР широкой автономии в составе Украины. Федеративная Украина, по замыслу России, должна предоставить регионам более широкую автономию в экономике и внешней торговле, языковой, этнической и культурной политике, а также в развитии связей с другими странами, включая Россию. Кроме того, местная власть должна формироваться полностью в ходе местных выборов. За центром же должны остаться оборонные, внешнеполитические и законодательные функции. Кроме того, наша страна требует неукоснительного соблюдения режима прекращения огня в регионе. Геополитический интерес РФ заключается в сохранении сферы влияния на Донбассе после его возвращения в правовое поле Украины.

2) Стратегической целью Киева и его «партнеров» является возвращение Донбасса в правовое поле Украины без предоставления республикам каких-либо преференций и безусловное вытеснение России из региона. Владимир Зеленский заявил о своей готовности вступить в переговоры с президентом В. Путиным, но только в присутствии представителей США и ЕС. При этом расчет делается на достижение некоего компромисса с Россией за спиной ДЛНР; возможны такие уступки, как возобновление пенсионных выплат, учет культурно-языковых особенностей региона, а также предоставление жителям Донбасса «больше прав и свобод, чем в России». В. Зеленский «убежден в необходимости «начать серьезную информационную войну и победить в ней», убедить жителей, что их «обманывала российская пропаганда».

3) Введение в зону конфликта миротворческих сил, создание в регионе переходной администрации ООН для проведения местных выборов, а также формирование международным сообществом агентства по восстановлению «Донбасса». Особняком при урегулировании украинского кризиса стоит вопрос, связанный с Крымом. Международное сообщество не признает итоги референдума 2014 года и уже на протяжении 5 лет держит нашу страну в санкционных списках. Представители НАТО, в частности, заявляют о том, что решение по Донбассу должно идти исключительно пакетным документом с Крымом, и ни о каком «обмене территориями» речи быть не может. В Крыму предлагается провести повторный референдум.

Следующий вопрос для респондентов звучал таким образом: «Как Вы считаете, какой из представленных сценариев наиболее реален и конструктивен для решения конфликта на Украине и украинского кризиса в целом?».

После анализа полученных данных, были определены следующие результаты:

– Сценарии, представленные респондентам, были охарактеризованы ими следующим образом: первый – «пророссийский» сценарий, второй – «проамериканский», третий – «мировой» сценарий.

– В результате проведенных голосований было определено, что третий сценарий поддерживают около 60% респондентов, первый сценарий поддержало примерно 40% респондентов, никто не поддержал второй сценарий.

Большинство респондентов высказали мнение о том, что первый и третий сценарий должны быть объединены в одну стратегию – ДНР и ЛНР должны получить широкую автономию, однако мировая общественность в лице ООН должна следить за соблюдением прав человека в данных регионах. Вопрос о возвращении Крыма в состав Украины, представленный в третьем сценарии, по мнению респондентов, не должен подниматься. Половина респондентов указали важным моментом обеспечения порядка условие о выходе любых военных сил иностранных государств с территории Украины, ДНР и ЛНР, за исключением сил ОБСЕ. «Минские соглашения», по мнению респондентов, должны быть полностью пересмотрены, так как не являются функциональными и не соблюдаются сторонами конфликта (в частности, функциональность мирных соглашений была сравнена с функциональностью пакта Молотова-Риббентропа респондентами из Адыгеи). Отсутствие реальных функциональных соглашений для сторон конфликта, по мнению большинства респондентов, будет способствовать замораживанию конфликта на территории Украины, что напоминает респондентам повторение истории чеченского конфликта.

Следующим блоком вопросов, предложенных для изучения респондентам, стал блок, посвященный Ближнему Востоку в фокусе геополитического противостояния.

Первый вопрос, заданный респондентам, звучал следующим образом: «Какую ключевую геополитическую и геостратегическую цель преследовало российское руководство, принимая решение о вводе войск на территорию Сирийской Арабской Республики». В результате анализа полученных данных были определены следующие тезисы:

– Абсолютное большинство респондентов (более 2/3) высказали мнение о том, что главная цель России в САР и на Ближнем Востоке в целом – создание и расширение своей зоны влияния в регионе, показывающее, что Россия также является мировым лидером, как и США, а сама Сирия – это некий плацдарм для закрепления России в регионе;

– Вторым по популярности ответом стали экономические интересы России в регионе, а именно получение доступа России к нефтяным рынкам региона и возможность влияния на мировые цены на нефть;

– Некоторые респонденты отметили, что участие российских вооруженных сил в конфликте на территории САР позволило апробировать новейшие образцы военной техники Российской Федерации и «...продемонстрировать всему миру военную мощь России»

Одним из самых неожиданных результатов данного вопроса стало то, что борьба с международным терроризмом, в частности, с запрещенными на территории Российской Федерации террористическими группировками «ИГИЛ» и «Джебхат ан-Нусра» стала одним из самых непопулярных вариантов среди респондентов. Более того, некоторые респонденты определили эту цель как «...липовую», то есть необходимую в качестве предлога для ввода войск. Также, действия Российской Федерации в Сирии были названы некоторыми респондентами как «защита сирийского населения», «действия, которые направлены на недопущение сценариев Ливии и Афганистана». Сама же территория САР была определена частью респондентов как «территория для столкновения России и США».

– Вопрос «Как Вы считаете, на какой стадии находится Сирийский кризис и близится ли он к своему логическому завершению, либо же стоит ожидать нового витка

конфронтации?» был задан респондентам следующим, однако в рамках данного фокус-группового исследования он имеет определенную специфику. Это связано с тем, что первая часть фокус-группового исследования проходила в апреле 2019 года (на территориях республики Дагестан, Чеченской республики, республики Ингушетия и республики Северная Осетия-Алания), а вторая часть в октябре 2019 года (на территориях республики Кабардино-Балкария, Ставропольского края, республики Адыгея, Ростовской области). Переломным моментом для анализа данного вопроса является то, что между двумя этапами проведения исследования Турецкая республика ввела свои войска на территорию САР. В связи с этим, получены следующие результаты данного вопроса:

– Абсолютное большинство респондентов, опрошенных в апреле 2019 года, считают, что конфликт на территории САР идет на спад, связывая это также и с тем, что он все меньше освещается в СМИ. Также, выдвинуто мнение о том, что Россия и США должны совместно решать конфликт на территории САР, а не вступать в конфронтацию. Тем не менее, респонденты отметили, что сирийский кризис не будет решен до тех пор, пока не будут решены этнорелигиозные проблемы на данной территории (в частности, Башар Асад как представитель шиитского направления ислама не может находиться во главе САР, где большинство мусульман исповедуют ислам суннитского толка);

– Абсолютное большинство респондентов, опрошенных в октябре 2019 года, заявили, что конфликт на территории САР перешел в новую стадию. Сама война на территории Сирии окончена, однако конфликт будет продолжаться до тех пор, пока территории САР будут находиться в сфере политических интересов России, США и Турции. Турция, введя войска на территорию Сирии, возобновила развитие конфликта, который теперь будет продолжаться и на национальной почве, подразумевающей ненависть Турции к курдскому населению.

Также, стоит отметить, что многие респонденты заявили о возможной борьбе России и США за влияние на государства, являющиеся передовыми в регионе (в частности, на Иран и Турцию).

В рамках блока вопросов про сирийский кризис, одним из важных вопросов является решение проблемы гуманитарной катастрофы на территории Сирии, в частности, разрушенной инфраструктуры, уничтоженных исторических памятников и т.п. Вопрос «Согласны ли вы с утверждением о том, что России необходимо оказывать всестороннюю поддержку действующему правительству и принимать активное участие в реставрации Сирии?», заданный респондентам, выявил следующее их отношение к поставленной проблеме:

– Респонденты разделились на равные группы в данном вопросе. Половина респондентов считает, что Россия должна принимать участие в реставрации САР, что вызовет улучшение имиджа Российской Федерации на мировой арене, позволит установить дружеские отношения со странами Персидского залива, повлияет на стабилизацию жизни мирного населения в Сирии.

– Другая половина респондентов утверждает, что Россия должна разобраться, в первую очередь, с внутренними проблемами, «... лучше вложить деньги в собственное реставрирование церквей, памятников культуры, которые находятся на территории Российской Федерации», «...для России это слишком большой отток капитала» и т.п.

Важным вопросом, который затронули сами респонденты, является вопрос о поддержке родственных этнических диаспор на территории конфликта в Сирии, в частности, поддержка адыгской диаспоры. «У нас построили целый аул Мафэхабль специально для выходцев диаспоры из Сирии. Точно так же, как предлагают диаспоры из Турции, из Иордании, в Израиле, потомки мухаджиров. Россия делает довольно много для того, чтобы

потомки мухаджиров возвращались на свою историческую родину, они организуют не просто пункты приёма, они организуют специальные поселения для них. Я уверен, что в дальнейшем будут строиться ещё другие аулы». Данное утверждение доказывает, что респонденты высоко оценивают роль Российской Федерации в решении гуманитарных проблем, возникших в результате войны в Сирии.

Также, как и в блоке вопрос об украинском кризисе, блок вопрос по Ближнему Востоку предлагает представление респондентам вариантов сценарного развития ситуации в сирийском кризисе. Сценарии, в данном случае, были представлены в форме возможных стратегий сторон. Первая стратегия – поддержка легитимного правительства Башара Асада, борьба с террористическими группировками, формирование конституционного комитета по Сирии, сотрудничество с Ираном и Турцией в урегулировании сирийского кризиса. Вторая стратегия – поддержка сирийской оппозиции, борьба с террористическими группировками, проведение демократических преобразований и противодействие иранскому и турецкому влиянию в регионе. На основе анализа двух стратегий респондентами и дальнейшего голосования по вопросу «Как Вы считаете, какая из представленных стратегий позволит решить сирийский кризис наиболее выгодно для всех сторон конфликта?», были получены следующие результаты.

– Респонденты определили, что первая стратегия больше похожа на стратегию Российской Федерации в конфликте, а вторая стратегия – на путь США в данном конфликте. Все опрошенные респонденты единогласно поддержали первую стратегию решения сирийского кризиса, тем не менее, дополнив ее тем, что поддержка правительства Башара Асада должна сочетаться с выстраиванием линии взаимодействия с оппозиционными силами на территории Сирии.

– Создание конституционного комитета по Сирии должно сопровождаться проведением референдума среди сирийского населения о возможности дальнейшего управления страной Башаром Асадом. Мнение сирийского населения должно учитываться в первую очередь для решения сирийского кризиса.

– Сотрудничество с Ираном и Турцией, которое предусматривает первая стратегия, вряд ли возможно для любой стороны, в связи с тем, что «...Иран и Турция всегда будут сами враждовать и преследовать свои интересы в регионе, пытаясь не пустить никого лишнего в свою зону влияния».

Последний вопрос, предложенный для ответа респондентам в данном блоке, стал переходным между блоками и подводил респондентов к дальнейшим рассуждениям о взаимоотношениях России и США. Вопрос, звучавший как «Допускаете ли Вы возможность военного столкновения России и США на территории Сирии? Если да, то к каким последствиям оно может привести?», показал, что респонденты в большинстве (более 2/3) скептически относятся к возможности перерастания военного конфликта в Сирии в прямой военный конфликт между Россией и США. Тем не менее, респонденты упоминают, что уже имели место разовые военные столкновения между Россией и США, не только на территории Сирии, но и в других военных конфликтах, однако это не привело ни к чему большему, так как обе страны понимают свое могущество, в том числе и ядерное, и осознают, что их прямое военное столкновение может привести к разлому мирового порядка во всех отношениях.

Итоговый блок фокус-группового исследования был посвящен геополитической конфронтации России и США. Ведущий фокус-группы привел краткую историческую справку об отношениях России и США, указал на то, как отношения двух стран трактуются СМИ на современном этапе. Для того, чтобы понять, с какого этапа необходимо начать обсуждение отношений России и США, респондентам был задан вопрос: «Какое событие внешней политики России, на Ваш взгляд, окончательно испортило двусторонние отношения между Россией и США?». Результаты ответов ре-

спондентов показали, что абсолютное большинство считает присоединение Крыма к Российской Федерации отправной точкой в окончательном ухудшении отношений двух стран. Тем не менее, данное событие оценивается респондентами не как причина ухудшения отношений, а как повод для перехода к открытой конфронтации, а отношения характеризуются как напряженные на протяжении всей истории. Также, были названы такие события, как «дело Скрипалей», обвинения России о вмешательстве в выборы США, сирийский и украинский кризисы в целом, выход Америки из ДРСМД. Одна из самых интересных позиций была высказана респондентами из Дагестанского государственного университета, которые единственные назвали конфликт в Южной Осетии в августе 2008 года отправной точкой для конфронтации России и США. Выдвинутое мнение полностью поменяло общее мнение аудитории о том, что основным событием было присоединение Крыма.

Как и в двух других блоках, респондентам была предоставлена возможность выбора наиболее вероятного сценария развития двухсторонних отношений между Россией и США. Выбор был поставлен между тремя сценариями:

1) «Разрядка», под которой подразумевались в первую очередь стабилизация отношений, эффективное управление элементами противоборства и постепенное наращивание элементов сотрудничества.

2) «Конфронтация», то есть возвращение к модели отношений начального этапа холодной войны, то есть к противостоянию без понятных обеим сторонам «красных линий», без развитой инфраструктуры контроля над вооружениями и пр.

3) Прямое военное столкновение, согласно которому угроза применения силы становится единственным аргументом.

На основании голосования по вопросу «Какой из представленных сценариев Вы считаете наиболее вероятным в развитии отношений между Россией и США?», а также с помощью анализа респондентами представленных сценариев, были получены следующие результаты:

– 100% опрошенных респондентов назвали сценарий дальнейшей конфронтации наиболее реальным в развитии современных отношений России и США. Более того, респонденты в абсолютном большинстве говорили о том, что новая «холодная война» будет еще более серьезной для мирового политического процесса в связи с развитием новых технологий противоборства стран, в особенности в военном плане;

– вариант «разрядки» был единогласно назван самым лучшим вариантом для развития отношений между Россией и США, но невозможным на данном этапе. Тем не менее, респонденты отметили, что Россия и США должны попытаться начать выстраивать линию «...хотя бы нейтральных отношений». Особенно важным этот сценарий был назван для России, в связи с тем, что благодаря ему наша страна сможет обратить больше внимания на внутренние проблемы, а «...не переводить все ресурсы и силы на борьбу с США»;

– вариант прямого военного столкновения назван невозможным и самым опасным. Выявлено, что респонденты больше всего опасаются данного сценария, однако в абсолютном большинстве считают его мифическим на данном этапе. Выдвинуто мнение о том, что военные столкновения между Россией и США продолжаться в форме противоборства в различных мировых кризисах, в том числе сирийском и украинском.

Вопрос военного столкновения России и США неоднократно вызывал дискуссию в аудиториях, именно поэтому следующий вопрос был посвящен отношениям России и военно-политического блока НАТО. Базисом вопроса выступило заявление министра иностранных дел Сергея Лаврова: «Если выстраивать внешнюю политику исходя из того, что нужно полагаться на отношения с США, с какой-то другой одной страной или даже группой стран, например Евросоюзом или НАТО, то ты рискуешь

оказаться в ситуации, когда тебя будут наказывать. Что мы сейчас и наблюдаем». В результате вопроса, заданного респондентам, «Необходимо ли для общемировой безопасности сотрудничество России с НАТО? Если да, то в какой форме вам видится это сотрудничество и что нужно сделать для налаживания диалога по линии «Россия-НАТО»?», были получены следующие результаты:

– Абсолютное большинство респондентов заявило о том, что сотрудничество России с блоком НАТО невозможно в позитивной форме, так как «...сам блок создавался как агрессор по отношению к СССР, а затем к России как преемнице СССР». Тем не менее, сотрудничество России и НАТО должно сохраняться на нейтральном уровне и не должно перейти в конфронтацию

– Некоторые респонденты отметили, что России необходимо развивать собственный военно-политический блок, который сможет выступить как реальный соперник НАТО на мировой арене (Дагестан, Ингушетия, Пятигорск, Адыгея). Тем не менее, существующий до сих пор блок ОДКБ является лишь формальностью, необходимо искать новые форматы взаимодействия стран СНГ в военном плане.

– Последний вопрос данного блока и фокус-группового исследования в целом был посвящен выходу США и России из Договора о ракетах средней и малой дальности (ДРСМД). Вопрос, который был сформулирован как «Разрыв договора РСМД привнес в двусторонние отношения еще большее недопонимание. Каковы, по Вашему мнению, последствия такого решения и что оно может означать для общемировой безопасности в целом?» выявил очень неоднозначные позиции:

– Выход из договора абсолютное большинство респондентов считают ошибкой как со стороны США, так и со стороны России. Прозвучали обвинения, что подобные действия напоминают «...цирк и детей в песочнице, которые обиделись друг на друга и ушли вдвоем с площадки, не добившись никакой пользы для себя».

– Респонденты отмечают, что обязательным условием развития двухсторонних отношений России и США в положительном направлении должно стать заключение нового договора, равному ДРСМД. Однако важным аспектом заключения данного договора должно стать участие Китая в его разработке и подписании. Китай же может выступить как арбитр между Россией и США, который позволит найти общие точки соприкосновения двух стран.

Подводя итог, стоит отметить, что проведенное фокус-групповое исследование показало высокий уровень политической осведомленности студенческой молодежи Северного Кавказа в вопросах геостратегической концепции Российской Федерации в мире. В большинстве случаев все поставленные вопросы обсуждались с модератором фокус-группы на равных, высказывались содержательные и аргументированные позиции. Некоторые вопросы не получили активного обсуждения, что объясняется определенной религиозной и культурной спецификой региона исследования. Тем не менее, Россия в современной системе международных отношений рассматривается абсолютным большинством респондентов как мировой лидер, способный влиять на решение внешнеполитических проблем и мировых кризисов в различных регионах. Россия доказала свое влияние и невозможность существования однополярного мира во главе с США, привнесла весомый вклад в решение украинского кризиса, сирийского кризиса и вытекающей из него проблемы международного терроризма. Однако по мнению респондентов, руководство нашей страны не должно забывать о внутривнутриполитическом курсе, который оценивается многими респондентами как более важный для России на нынешнем этапе.

Особую роль в развитии как мирового, так и внутривнутрироссийского порядка играют отношения между Россией и США. По мнению респондентов, данные отношения находятся на сложном этапе, однако оба государства должны приложить усилия

для их налаживания и не конкурировать на кризисных территориях, а пытаться найти общее решение мировых проблем.

На протяжении всего исследования респондентами высоко оценивается роль Китая на международной арене. Партнерство с Китаем для России может стать новым способом для обеспечения мирового порядка, а также позволит сформировать новый центр силы, который будет иметь высокое значение в мировой политике.

Единогласным мнением респондентов подтверждается невозможность допущения прямого военного столкновения России и США. Данный факт определяется не только пониманием возможных последствий для всей мировой общественности, но и исторической памятью народов и этносов, населяющих регион исследования. Военные столкновения и конфликты на Северном Кавказе доказали, что данные методы не могут принести пользы ни одной из сторон конфликта. Именно поэтому выявленный высокий уровень политической культуры, знаний об истории и современности России, а также то, что студенческая молодежь Северного Кавказа обладает критическим мышлением и способна отмечать проблемные места в политике страны и выдвигать взвешенные предложения по их урегулированию, позволит обеспечить стабильное положительное развитие Российской Федерации как во внутренней, так и во внешней ее политике.

Литература

1. Белова Н.Е. Россия в современной системе международных отношений // Приволжский научный вестник. 2015. №. 12-2 (52).
2. Вартумян А.А. Северный Кавказ в современной геополитической картине // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. 2017. С. 41-48.
3. Горшков М.К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология // М.: Институт социологии РАН, 2011.
4. Нурьшев Г. Россия в современной геополитике. – М.: ИСЭРТ РАН. 2017. 410 с.
5. Усманов Р. Глобализация и этнополитический процесс в современной России // Россия и мусульманский мир. 2015. №. 3 (273). С. 8-12.

References

1. Belova N.E. (2015). Rossiya v sovremennoy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy [Russia in the modern system of international relations]. Privolzhskiy nauchnyy vestnik [Volga Scientific Bulletin].
2. Vartumyan A.A. (2017). Severnyy Kavkaz v sovremennoy geopoliticheskoy kartine [The North Caucasus in the modern geopolitical picture]. Sotsial'no-politicheskiye i istoriko-kul'turnyye aspekty sovremennoy geopoliticheskoy situatsii [Socio-political and historical-cultural aspects of the modern geopolitical situation], 41-48.
3. Gorshkov M.K., Sheregi F. E. (2011). Prikladnaya sotsiologiya: metodologiya [Applied Sociology: Methodology]. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Левшин Валерий Степанович

Студент 4 курса,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета;
E-mail: vlevshin@sfedu.ru

Болотин Юрий Олегович

Магистрант 2 курса,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета;
E-mail: bolotin@sfedu.ru

Levshin Valeriy Stepanovich

Bachelor Student of the Institute of
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
E-mail: vlevshin@sfedu.ru

Bolotin Yuriy Olegovich

Postgraduate Student of the Institute of
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
E-mail: bolotin@sfedu.ru

УДК 316.74

Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа**А.А. Гранкина, Д.И. Момотов***Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В статье анализируются современная ситуация на Северном Кавказе в контексте ее восприятия молодежью данного региона. Особое внимание уделяется оценке и отношению представителей молодежи к основным социальным вопросам, наиболее актуальным на Северном Кавказе. Статья является результатом социологического исследования, проведенного в крупнейших высших учебных заведениях региона.

Ключевые слова: молодежь, Северный Кавказ, социальное самочувствие, безопасность.

Для цитирования: Гранкина А.А., Момотов Д.И. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2. №3. С. 39-44.

Social well-being of the youth of the North Caucasus**Alla A. Grankina, Dmitry I. Momotov***Southern Federal University**Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article analyzes the current situation in the North Caucasus in the context of its perception by the youth of this region. Particular attention is paid to the assessment and attitude of youth representatives to the main social issues most relevant in the North Caucasus. The article is the result of a sociological study conducted in the largest higher educational institutions of the region.

Keywords: youth, the North Caucasus, social well-being, security.

For citation: Grankina A.A., Momotov D.I. Social well-being of the youth of the North Caucasus // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №3. P. 39-44.

Проблема изучения социального самочувствия молодежи является особо привлекательной для представителей социологической науки. Во-первых, в силу особого статуса данной социальной группы, обладающей высоким уровнем инновационного потенциала, гибкостью и мобильностью, что дает возможность определять студенчество в качестве движущей силы развития государства. Во-вторых, значительная степень поляризации российского общества в значительной степени охватывает молодежное сообщество, что требует углубленного изучения собственной оценки жизненных шансов молодыми людьми и основных ценностных ориентиров, которые являются базисными при выстраивании социального поведения. В-третьих, молодежь характеризуется высокой степенью восприимчивости к политическим, социальным и экономическим изменениям, что также подчеркивает актуальность затрагиваемой тематики (Шлык, 2010).

В рамках реализации научно-просветительского проекта «Мир Кавказу» группой исследователей Института социологии и регионоведения ЮФУ методом анкетного опроса было проведено исследование «Социальное самочувствие и жизненные шансы студенческой молодежи Северного Кавказа». Исследование проводилось в вузах, расположенных на территории следующих субъектов РФ: республика Дагестан (Дагестанский государственный университет), Чеченская республика (Чеченский государственный университет), республика Ингушетия (Ингушский государственный университет), республика Северная Осетия – Алания (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетаурова), республика Кабардино-Балкария (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова), республика Адыгея (Майкопский государственный технологический университет), Ставропольский край (филиал Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске)

и город Ростов-на-Дону (Южный федеральный университет). Целью исследования выступало изучение региональных особенностей социального самочувствия и восприятия жизненных шансов студенческой молодежью регионов Кавказа.

Рассматривая феномен социального самочувствия, мы опираемся на точку зрения современного социолога Л.Е. Петровой, определяющей данное явление как интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности и отношения к окружающей действительности, которая отражает соотношение между уровнем притязания и степенью удовлетворенности потребностей участника общественных отношений (Петрова, 2000).

Результаты ответа на вопрос, посвященного оценке удовлетворенности положением собственных дел в различных сферах жизни, демонстрируют наибольшее удовлетворение в молодежной среде возможностью общения с друзьями (88,3%), уровнем личной безопасности (83,25%) и возможностью получения качественного образования (60,0%). При этом, наиболее удовлетворены возможностью общения с друзьями представители Северо-Осетинской Республики (91,8%). Что касается уровня удовлетворения личной безопасностью, то лидером в данной категории является Чеченская Республика, где 94,4% респондентов полностью или практически полностью ощущают себя в безопасности. В Республике Дагестан, напротив, почти четверть (24,7%) опрошенных не удовлетворены или скорее не удовлетворены уровнем личной безопасности. Такая разница удовлетворенности личным уровнем безопасности в упомянутых республиках обусловлена работой правоохранительных органов данных республик. В Чечне на 2019 год раскрываемость преступлений составила более 80%, что выше среднероссийского показателя, который составил 59,2%. (*Уровень преступности ...*).

Возможностью получения качественного образования в наибольшей степени удовлетворены или скорее удовлетворены обучающиеся РСО-Алания (87,8%) и Чеченской Республики (85,2%), в наименьшей – обучающиеся из Республики Дагестан (23,3%). Уровень удовлетворенности возможностью получения качественного образования молодежью в данных регионах детерминирован рядом факторов. Это такие как, уровень коррумпированности данного сегмента, например, в республике Дагестан зафиксирован самый высокий уровень коррупции среди всех регионов Северного Кавказа (Биярсланова, 2019), этот показатель претерпел изменения лишь после кадровых перестановок в республике, а именно после назначения в 2018 году на пост главы республики Владимира Абдуалиевича Васильева (*Борьба с коррупцией ...*). Борьба с коррупцией стала ключевым вектором его политики в Дагестане во всех сферах жизни населения в том числе и в сфере высшего образования, но работа эта долгая и снижения уровня коррупции требует длительных временных затрат (Магомедов, 2019). Следующий фактор, обуславливающий разность оценки данного показателя находит в уровне международной деятельности вузов представленных регионов. Так, университеты республики Северной Осетии (Алании) планомерно наращивают международное сотрудничество с рядом стран, как со странами ближнего зарубежья, так и дальнего. Проследить это можно на примере Северно-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хатегурова. В республике Дагестан данное направление развивается менее активно, причиной этому выступает низкий уровень подготовки высококвалифицированных преподавательских кадров для вузов региона, о чем свидетельствуют результаты глубинных интервью со студентами региона. Еще одним из важных факторов оценки возможность получения качественного образования служит котируемость полученных дипломов выпускниками вузов данных регионов. В Северной Осетии (Алании) уровень котируемости дипломов соответственно выше в сравнении с республикой Дагестан. Так, студенты Северо-

Осетинских вузов, не испытывая особых сложностей, могут трудоустроиться не только в любом регионе нашей страны, но и за рубежом. Обладатели дипломов вузов Дагестана менее конкурентоспособны на рынке труда, их дипломы котируются далеко не во всех регионах нашей страны. Что подкреплено исследованиями уровня безработицы. Так, на 2018 год в Дагестане – один из самых высоких процентных показателей безработицы в стране (13,7 % активного населения против 5,5% в целом по России). Больше трети безработных – молодежь (*Занятость и безработица ...*).

Следующую группу показателей можно охарактеризовать, как «средне удовлетворяющую», поскольку уровень удовлетворенности данными категориями, в среднем, учитывая региональную и половозрастную специфику, находится в пределах 70-90%: возможность создания семьи с любимым человеком (77,3%). В наибольшей степени удовлетворены возможностью создания семьи с любимым человеком представители Северной Осетии (85,4%) и Ингушетии (82,4%), в то время как 28,3% молодежи Дагестана частично или полностью не удовлетворены реализацией данной возможности. Возможность проведения досуга наиболее позитивно оценили жители Чеченской Республики (82,4%) и Республики Дагестан (78,6%), что обусловлено высокоразвитой инфраструктурой республик. Возможность стать профессионалом положительно оценили жители Республики Северная Осетия-Алания (85,7%), что следствием оценки возможности получения качественного образования в республике. Наиболее не удовлетворены данным показателем жители Ростовской области (29,7%). Отдельно выделим показатель «регион и город проживания», поскольку, несмотря на общую относительно высокую (78,6%) удовлетворенность, именно эти данные наиболее точно отражают региональную специфику: условиями региона проживания в наибольшей степени удовлетворена молодежь Чеченской Республики (92,6%), на втором месте – Республика Кабардино-Балкария (83,0%), на третьем – Республика Адыгея (86,8%), в наименьшей степени регионом и городом проживания удовлетворена молодежь Северной Осетии (59,6%) и Дагестана (54,8%). Что не является удивительным, так как именно Чеченская республика лидирует по всем оценкам показателей, которые и составляют индикаторы, на которые раскладывается качество региона проживания, аналогично подтверждает свои позиции и республика Дагестан.

Наименьшую степень удовлетворения по результатам опроса получили такие показатели, как уровень материальной обеспеченности (67,1%). В наибольшей степени удовлетворены уровнем материальной обеспеченности представители Адыгеи (78,3%) и в Республике Кабардино-Балкария (76,6%), в то время, как в РСО-Алания только половина из опрошенных (51,0%) положительно оценили данную категорию, что находит свое отражение в официальной средней заработной плате в данных республиках (*Какая средняя зарплата ...*).

В наибольшей степени оценена возможность реализовать себя в месте пребывания в настоящее время. В Кабардино-Балкарии и 73,4% в Республике Адыгея частично или полностью удовлетворены условиями для самореализации в родном регионе, тогда как в Республиках Дагестан (54,1%) и Северная Осетия-Алания (49,0%) только половина опрошенных удовлетворена собственным положением дел в данной сфере жизни. Данные результаты требуют более углубленного исследования, так как данные показатели в республике Дагестане мы можем объяснить уровнем коррумпированности, о которой говорилось ранее, и развитой клановой системой. Большое внимание при трудоустройстве и не только здесь уделяется финансовым и социальным ресурсам, в виде связей семьи, что терпит борьбу со стороны государственного аппарата, но пока безуспешно, в силу укорененности данных норм и правил в сознании коренного населения республики. В Северной Осетии (Алании),

напротив, не существует клановой системы продвижения и самореализации людей в социальной структуре и уровень коррупции здесь значительно меньше, чем в соседствующей республике.

Завершающим показателем в данном вопросе выступает возможность выражать свои политические взгляды, который среди молодежи всех восьми субъектов был отмечен наименее позитивно: 53,4% представителей Ростовской области удовлетворены своими политическими правами и свободами, в Дагестане – 52,4%, в Ставропольском крае – 57,6%, в то время как в Ингушетии больше половины опрошенных (55,5%) частично или полностью не удовлетворены возможностью влиять на политическую обстановку в регионе. Такое процентное соотношение обусловлено политическими событиями, которые происходили в 2018-2019 годах на территории Ингушетии: передачей земли Чеченской республике, смена главы Ингушетии и митинги, которые проходили в результате данных событий. Все это стало детерминантой, которая подорвала веру ингушского народа в возможность влиять на политические процессы в своей республике. Если обратиться к результатам представителей Ростовской области, то это объясняется такими резонансными судопроизводствами, например как “Ростовское дело”, повлекшее за собой одиночные пикеты, а также митинги в Москве на площади Сахарова против пенсионной реформы и другие. Это действия, которые повлекли за собой ряд арестов и вынесенных приговоров, что обуславливает общий низкий уровень удовлетворенности возможностью влиять на политическую обстановку в регионе и в России в целом.

Следующий блок вопросов посвящен планам по окончании обучения. Так, вариант «жить и работать в России в том городе, где учусь сейчас» выбрали 50,25% из общего числа респондентов, «жить и работать в России в другом регионе» - 24,1% и целых 33,05% респондентов хотели бы после окончания учебы уехать жить за границей. В наибольшей степени остаться работать в родном регионе предпочитают жители Республики Ингушетия (42,7%), около трети респондентов Чечни (30,2%) и Дагестана (28,2%) и только 12,8% молодежи Кабардино-Балкарии, которая, в свою очередь в наибольшей степени хочет жить и работать в другом регионе России (40,4%), либо вовсе уехать и жить за границей (21,3%). Несмотря на высокий уровень удовлетворенности регионом и городом проживания, а также возможностью реализовать себя в месте пребывания, почти половина (46,2%) опрошенных респондентов из Чеченской Республики хотели бы уехать из родного региона и жить за границей; в Дагестане (40,0%) и Ингушетии (34,7%) данные показатели также высоки. Основными причинами, по которым молодежь из интересующих нас республик хотела бы переехать в другую страну, является неудовлетворенность возможностью реализации собственного потенциала («Потому что в другой стране больше возможностей реализовать себя» – 28,7%), проблема ущемления прав («Потому что в другой стране не будут ущемляться мои права» – 9,6%) и свобод («Потому что в другой стране я буду чувствовать себя свободным» – 16,1%), особенности климатических условий региона проживания («Потому что я хотел бы жить в других климатических условиях» – 10,0%) и социальной среды («Потому что мои дети должны вырасти в другой социальной среде» – 6,0%). Наименее популярными являются факторы чувства безопасности («Потому что здесь жить опасно – 2,4») и одиночества («Потому что здесь я чувствую себя ненужным – 1,6», «Потому что здесь нет близких мне людей» – 1,0). Респонденты, которые не планируют покидать страну, но хотели бы жить в другом регионе, ключевой причиной назвали также неудовлетворенность возможностью реализации собственного потенциала («Потому что в другой стране больше возможностей реализовать себя» – 22,4%), отдельно выделили желание продолжить обучение в другом вузе – 10,6%, недостаточный уровень материальной обеспеченности («По-

тому что здесь я не смогу обеспечить себе достойную жизнь» – 6,6%), проблему ущемления прав («Потому что в другой стране не будут ущемляться мои права» – 3,2%) и свобод («Потому что в другой стране я буду чувствовать себя свободным» – 6,4%), неудовлетворенность климатическими условиями (4,9%), в равной степени (2,2%) причиной для желаемого переезда были названы «Потому что мои дети должны вырасти в другой социальной среде» и «Потому что здесь жить опасно», наименее популярная причина «Потому что здесь я чувствую себя ненужным» была выбрана 1,0% респондентов.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что по целому ряду показателей молодежь Северного Кавказа имеет схожие мнения. Кроме того, можно выделить наиболее проблемные направления для развития региона, на которые стоит обратить внимание. Некоторые результаты опроса же не стыкуются с реальной картиной в регионе. Наиболее ярким примером являются высокие оценки качества жизни в Чеченской Республике, которые не стыкуются с высокими показателями оттока населения. Таким образом, несмотря на высокий уровень удовлетворенности регионом и городом проживания, а также возможностью реализовать себя в месте пребывания, почти половина (46,2%) опрошенных респондентов из Чеченской Республики хотели бы уехать из родного региона и жить за границей; в Дагестане (40,0%) и Ингушетии (34,7%) данные показатели также высоки.

Литература

1. Биярсланова А. М. К вопросу о состоянии коррупции в Республике Дагестан глазами ее жителей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №9. С. 21-25.
2. Борьба с коррупцией стала приоритетом после ликвидации бандподполья. [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/4947141>
3. Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2019 года. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/34.htm
4. Какая средняя зарплата в регионах СКФО? [Электронный ресурс] // Ставропольская правда. URL: https://stpravda.ru/20190730/kakaya_srednyaya_zarplata_v_subektah_skfo_136963.html
5. Магомедов Р.М., Ибрагимова А.М. Понятие, причины и условия коррупции в России на примере Республики Дагестан // Евразийский юридический журнал. 2019. №3. С.329-330.
6. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50-55.
7. Уровень преступности в Чечне остается самым низким в России. [Электронный ресурс] // ЧГТРК "Грозный". URL: <https://grozny.tv/news.php?id=355441>
8. Шлык Л. Н. Политическая культура в системе культуры общества // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010 № 4 (24). С. 51-53.

References

1. Biyarlanova A. M. (2019). K voprosu o sostoyanii korruptsii v Respublike Dagestan glazami eye zHITELEY [To the question of the state of corruption in the Republic of Dagestan through the eyes of its inhabitants]. Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 9, 21-25.
2. The fight against corruption has become a priority after the elimination of the gang underground. Available at: <https://tass.ru/politika/4947141>
3. Employment and unemployment in the Russian Federation in January 2019. Available at: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/34.htm
4. What is the average salary in the regions of the North Caucasus Federal District? Available at: https://stpravda.ru/20190730/kakaya_srednyaya_zarplata_v_subektah_skfo_136963.html
5. Magomedov R.M., Ibragimova A.M. (2019). Ponyatiye, prichiny i usloviya korruptsii v Rossii na primere Respubliki Dagestan [The concept, causes and conditions of corruption in Russia on the example of the Republic of Dagestan]. Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal], 3, 329-330.
6. Petrova L.E. (2000). Sotsial'noye samochuvstviye molodezhi [Social well-being of youth]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological studies], 12, 50-55.
7. The crime rate in Chechnya remains the lowest in Russia. Available at: <https://grozny.tv/news.php?id=355441>

8. Shlyk L. N. (2010). Politicheskaya kul'tura v sisteme kul'tury obshchestva [Political culture in the culture of society]. Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 4, 51-55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гранкина Алла Артуровна

Студентка 4 курса,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета;
E-mail: agrankinaalla@yandex.ru

Момотов Дмитрий Иванович

Магистран 1 курса,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета;
E-mail: dmomotov@sfedu.ru

Grankina Alla Arturovna

Bachelor Student of the Institute of
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
E-mail: agrankinaalla@yandex.ru

Momotov Dmitry Ivanovich

Postgraduate Student of the Institute of
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
E-mail: dmomotov@sfedu.ru

Поступила в редакцию

14 июля 2019 г.

УДК 316.74

Понимание субъекта познания в свете философских новаций**З. А. Газимагомедова***Дагестанский Государственный Университет (ДГУ),
г. Махачкала, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматриваются изменения, вызванные современным решением психофизиологической проблемы и субъект-объектных новаций постмодернизма. Современный субъект совмещает субъекта классической эпохи, устремленного на достижение объективного знания, субъекта неклассической науки, настроенного на учет различных возможностей и случайностей, и субъекта постнеклассического, полученного как своеобразной его сборки. Свой вклад в обновленное толкование субъекта познания вносит и современное решение проблемы психофизиологического параллелизма.

Ключевые слова: субъект познания; классическая; неклассическая; постнеклассическая; наука; постмодернизм; психофизиологическая проблема.

Для цитирования: Газимагомедова З. А. Понимание субъекта познания в свете философских новаций // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2. №3 С. 45-49.

Understanding the subject of knowledge in the light of philosophical innovations**Zulfiya. A. Gazimagomedova***Dagestan State University, Makhachkala, Russia*

Abstract. This article discusses the changes caused by the modern solution of the psycho-physiological problem and the subject-objective innovations of postmodernism. The modern subject combines the subject of the classical era, striving to achieve objective knowledge, the subject of non-classical science, tuned to take into account various possibilities and accidents, and the subject of post-non-classical, obtained as a kind of its assembly. The modern solution of the problem of psycho-physiological parallelism also contributes to the updated interpretation of the subject of knowledge.

Keywords: subject of knowledge; classic; non-classical; post-non-classical; the science; postmodernism; psychophysiological problem.

For citation: Gazimagomedova Z. A. Understanding the subject of knowledge in the light of philosophical innovations // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №3. P. 45-49.

Введение

Проблемы познания вообще, и проблемы субъекта познания в частности, являются вечными и главными проблемами философии протяжении всей ее истории. Субъект познания есть человек или группа, которые в результате мыслительной деятельности познают предметы, природу, мир и себе подобных. Под объектом познания понимается материальный или духовный мир попавший в круг практических или познавательных интересов субъекта познания. В процессе познавательной деятельности между субъектом и объектом познания происходит причинно-следственная связь субъективно-объективных отношений, не мыслящих себя друг без друга до недавнего момента, когда в результате перехода человечества из индустриальной ступени на ступень постиндустриальную или информационную произошла трансформация объекта познания из материальной в виртуальную и символическую. Немалые трансформации претерпел и субъект познания. В данной статье рассматриваются изменения, вызванные современным решением психофизиологической проблемы и субъект-объектных новаций постмодернизма.

Основная часть

Как известно, классическая онтология, как учение о бытии, имела субстанциональный характер, настаивала на объективном характере бытия, его неизменности и вечности, тогда как в квантовой механике онтология конституативна, определяема, основополагаема субъектом и зависима от субъекта. Сегодня сложные са-

моразвивающиеся объекты как социогуманитарных, так и естественных наук непредставимы без человека (*Степин В.Т., 1999*).

Дагестанский философ М.И. Билалов на протяжении многих лет занимается проблемой истины, рациональности, познавательной культуры. За период своих исследований им проведена и выявлена динамика трансформации этих понятий в истории философии. Он пишет, что «рациональность, истина, философия, имеют особое значение для современной науки и культуры» (*Билалов М.И., 2017. С. 69*) и я соглашусь с ним по причине того, что именно разум явился тем основным, что помогает познавать и направлять человека на деятельность, через которую происходит осознание мира.

Современный субъект совмещает субъекта классической эпохи, устремленного на достижение объективного знания, живет в нем и субъект неклассической науки, настроенный на учет созвездия возможностей и случайностей, и субъект постнеклассический как особый тип человека – современного номада, децентрализованного, с флуктуирующей многомерной, космополитичной идентичностью, клиповым сознанием, ситуативной этикой, склонного к полурелигиозности и ценностному плюрализму в сочетании с повышенным прагматизмом и специфической «технологически-компьютерной» ментальностью (*Лешкевич Т.Г., 2012. С. 14*). В.Е. Лепский в этой связи ввел термин «сборка субъекта», предлагая свои составляющие современного субъекта, способного решать задачи модернизации российского общества (*Проблема сборки ... , 2013*).

При всем своеобразии толкования природы познания, точнее, в попытках его объединения с другими формами человеческой деятельности, общим для формирования субъекта оказывается его деятельность в языковой среде, в среде символических образований. Становление субъективности в теории познания постмодерна осуществляется в противостоянии и противопоставлении текстам авторскими текстами, собственной дискурсивной системой, субъективность есть уклонение от «отцовского» дискурса, т. е. того, что дано извне и принудительно (*Билалов М.И., 2017*). В своей недавно написанной монографии он дает детальный анализ производства субъективного фактора, который служит уточнению осмысления субъект-объектных отношений, которое сопровождает всю историю философии и гносеологии.

Психофизиологическая проблема заключается в решении вопроса о соотношении между психическими и нервными процессами в конкретном организме (теле). В такой формулировке она составляет основное содержание предмета психофизиологии. Первое решение этой проблемы можно обозначить как психофизиологический параллелизм. Суть его заключается в противопоставлении независимо существующих психики и мозга (души и тела). В соответствии с этим подходом психика и мозг признаются как независимые явления, не связанные между собой причинно-следственными отношениями.

В то же время наряду с параллелизмом сформировались еще два подхода к решению психофизиологической проблемы. Первый подход – это психофизиологическая идентичность, которая представляет собой вариант крайнего физиологического редукционизма, при котором психическое, утрачивая свою сущность, полностью отождествляется с физиологическим. Примером такого подхода служит известная метафора: «Мозг вырабатывает мысль, как печень – желчь». Второй подход – это психофизиологическое взаимодействие, представляющее собой вариант паллиативного, т.е. частичного, решения проблемы. Предполагая, что психическое и физиологическое имеют разные сущности, этот подход допускает определенную степень взаимодействия и взаимовлияния.

В эпоху информационного общества на первый план выдвинулись задачи исследования информационных процессов, самоорганизующихся систем, расшифровки кодовых зависимостей, функциональных отношений. Существенной чертой исследований психофизиологической проблемы, имеющей непосредственное отношение к обновлению взгляда на суть субъекта познания, является повышенный интерес к семантической проблеме. Поиск происхождения значения общеупотребляемых терминов для «умственных состояний» и, следовательно, что можно считать адекватным значением специальных концепций, которые мы относим к себе и другим созданиям, обладающих интеллектом, - суть семантической проблемы.

В феноменологической рефлексии Я расщепляется на феноменологического наблюдателя и Я, конституирующее мир. Это расщепление вводит в феноменологию измерение темпоральности, а переход к генетической феноменологии делает историю одной из основных феноменологических тем. Я одновременно конституирует и мир, и само себя в качестве конституирующего мир: Я всегда исторично. Более того, историчность смысла разыгрывается на уровне каждого отдельного смыслопридающего акта «каждого отдельного переживания, которое, в качестве временного, обладает собственной "историей", т.е. собственным временным генезисом». Соответственно и конституирование мира не происходит единовременно, «одним махом»; сознание есть поток, и в качестве такового – «непрестанный процесс становления» смысла (Ямпольская А.В., 2013).

Одним из недостатков данного подхода оказывается его неспособность признать и объяснить гетерогенность субъективного опыта, ставшую важной частью понятия субъективности в связи с развитием как темы аффективности и пассивного конституирования в генетической феноменологии, так и проблематики телесности и интерсубъективности у Гуссерля и в последующей феноменологической традиции (Козырева А.С., 2014. С 166).

В продолжение приведенных рассуждений интересно мнение Е.Косиловой. Она пишет: «какие результаты изучения шизофрении мне представляются самыми важными с точки зрения теории субъекта. Во-первых, стало ясно, что волевая составляющая субъектности находится в сложных отношениях с интеллектуальной (до этого считалось, что они друг от друга не зависят). Во-вторых, появились доказательства того, что интегрированное цельное Я – это вторичное состояние субъекта, к тому же требующее постоянных усилий для его поддержания, а первичным состоянием является расщепленность. В-третьих, были получены свидетельства автономности языкового мышления. Также очень интересные данные были получены относительно темпоральной структуры сознания и «горизонтной» (в гуссерлевском смысле) природы проектирующего (в хайдеггеровском смысле) сознания на материале бредового дискурса. Но это сейчас только еще находится в стадии изучения (Косилова Е.В., 2018. С. 117-118).

При анализе метода когнитивных наук и аспектов его применимости к вопросу о сущности субъекта познания следует обратиться к современным концепциям функционирования мозга. Последние исследования предлагают рассматривать мозг как аппарат, настроенный на постоянное прогнозирование событий объективного мира и мира субъективных представлений. Представление о мозге как о машине, работающей по принципу «стимул-реакция» оказывается недостаточным для описания динамики взаимодействия с окружающим миром. Исследования в области сравнения мозговой активности представителей различных культур привели к выводам, что когнитивные особенности детерминируются как генетически, так и в процессе онтогенеза под воздействием внешних факторов (культурных, социально экономиче-

ских). На основе этого выдвигается предложение о пересмотре представлений о субъекте познания.

В противовес трансцендентальному субъекту, обладающему автономными формами познания, новый субъект обладает такой когнитивной функцией, которая внешне включена в ситуативную социокультурную среду, а её материальным субстратом является пластичная динамическая нейронная система. Таким образом, подчёркивается необходимость рассмотрения субъекта, субстанциальной характеристикой которого является деятельность.

Заключение

Таким образом, история философии в своем развитии не раз видоизменяла и объект, и субъект познания в силу различных приоритетов эпохи. Как уже отмечалось здесь важно не забывать, что сегодня сложные саморазвивающиеся объекты как социогуманитарных, так и естественных наук непредставимы без человека. Современный субъект совмещает субъекта классической эпохи, устремленного на достижение объективного знания, и субъекта неклассической науки, настроенного на учет созвездия возможностей и случайностей, и субъекта постнеклассической науки как особого типа человека.

Как мы пытались обосновать, в толкование субъекта познания современной гносеологии свой вклад вносит обновленная психофизиологическая проблема. Решение этой проблемы как психофизиологический параллелизм, как психофизиологическая идентичность и как психофизиологическое взаимодействие позволяет внести свой вклад в понимание субъекта.

При анализе метода когнитивных наук и аспектов его применимости к вопросу о сущности субъекта познания следует обратиться к современным концепциям функционирования мозга. Исследования в области сравнения мозговой активности представителей различных культур привели к выводам, что когнитивные особенности детерминируются как генетически, так и в процессе онтогенеза под воздействием внешних факторов (культурных, социально экономических). На основе этого выдвигается предложение о пересмотре представлений о субъекте познания. В противовес трансцендентальному субъекту, обладающему автономными формами познания, новый субъект обладает такой когнитивной функцией, которая внешне включена в ситуативную социокультурную среду, а её материальным субстратом является пластичная динамическая нейронная система.

Литература

1. Билалов М.И. Истина и рациональность в современной познавательной культуре // Поиск истины в пространстве современной культуры. 2017.
2. Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. 376 с.
3. Козырева А.С. Субъективность и единство самости в феноменологической перспективе // Вопросы философии. 2014. №4.
4. Косилова Е.В. Субъект: от философии и психологии до психопатологии и эзотеризма // Методология и история психологии. 2010. № 1. С.117-118.
5. Лешкевич Т.Г. Проблема субъектности и бессубъектное состояние России в контексте эконоцентричности современной эпохи // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С.12-20.
6. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. - М.: ИФ РАН, 2010. 272 с.
7. Степин В.Т. Теоретическое знание. М., 1999. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/stepin/index.html> 56
8. Ямпольская А.В. Аффективность как историческое измерение субъекта // Вопросы философии. 2013. №3. С. 156.

References

1. Bilalov M.I. (2017) Istina i ratsional'nost' v sovremennoy poznavatel'noy kul'ture [Truth and rationality in modern cognitive culture]. Poisk istiny v prostranstve sovremennoy kul'tury [The search for truth in the space of modern culture].
2. Bilalov M.I. (2017) Postizhimost' istiny: ulovimost', ob'yasnimost', vyrazimost' [The comprehensibility of truth: comprehensibility, explicability, expressibility]. Makhachkala: GAU RD «Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo».
3. Kozyreva A.S. (2014) Sub'yektivnost' i edinstvo samosti v fenomenologicheskoy perspective [The subjectivity and unity of the self in a phenomenological perspective]. Voprosy filosofii [Philosophy Issues].
4. Kosilova E.V. (2010) Sub'yekt: ot filosofii i psikhologii do psikhopatologii i ezoterizma [Subject: from philosophy and psychology to psychopathology and esotericism]. Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and the history of psychology]. 1. 117-118.
5. Leshkevich T.G. (2012) Problema sub'yektnosti i bessub'yektnoye sostoyaniye Rossii v kontekste ekonomotsentrichnosti sovremennoy epokhi [The problem of subjectivity and the subjectless state of Russia in the context of the economocentricity of the modern era]. Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific Thought of the Caucasus]. 2. 12-20.
6. Problema sborki sub'yektov v postneklassicheskoy nauke [The problem of assembly of subjects in post-non-classical science] (2010). Moscow: IF RAN.
7. Stepin V.T. (1999) Teoreticheskoye znaniye [Theoretical knowledge]. Available at: <http://philosophy.ru/library/stepin/index.html>. 56.
8. Yampol'skaya A.V. (2013) Affektivnost' kak istoricheskoye izmereniye sub'yekta [Affectivity as a historical dimension of the subject]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Газимагомедова Зульфия****Абулмуслимовна**Студент-магистрант, Дагестанский Гос-
ударственный Университет,
г. Махачкала

E-mail: amstar2912@mail.ru

Gazimagomedova Zulfiya. AbulmuslimovnaMaster-student, Dagestan State University,
Makhachkala

E-mail: amstar2912@mail.ru

Поступила в редакцию***10 августа 2020 г.***

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Также предполагается возможность публикации в данном издании исследований, ориентированных на изучение актуальных проблем развития других регионов современного мира в координатах профиля журнала.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – не более 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация <i>(объем от 200 до 300 слов)</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, <i>(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.</i> Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке <i>Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).</i>
Аннотация на английском языке <i>(объем от 200 до 300 слов)</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в *APA formatting and style guide* можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода рус-

скоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Author Guidelines

The journal accepts the articles for actual theoretical and practical issues of the research of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

The design of the articles meets the standards of international scientific journals in order to be accepted to the international databases in future.

Focus and Scope:

The journal offers the following subject headings in correspondence to the profile of the edition:

1. Geopolitics of the Great Caucasus.
2. Religions and Regions in the Great Caucasus.
3. Ethnology of the Peoples in the Great Caucasus.
4. Civilizations and Cultures in the Great Caucasus.
5. Social Institutions in the Region: Past, Present, Future.
6. Discussion Tribune.
7. Reviews.
8. Youth Format.

Languages of Publication:

The journal includes publications of articles in English and Russian.

The **recommended length** of articles is no more than 40 000 characters, spaces included, including illustrations, schemes, footnotes, bibliography, abstract and keywords.

Typesetting of article texts must be carried out on computers in the MS Word program (A4 format, one-and-a-half line spacing, font size 14, Times New Roman, justified alignment, margins from the top, bottom, left, right - 2 cm, page numbering is solid, starting with the first).

Schemes, tables, photographs and pictures must be numbered and are presented with the titles (inscription) or headings..

The recommended level of originality of the article is 80%

improper:

- Verbatim copying of another author's text of without attribution of his authorship, without reference to the source and the use of quotation marks.

- Incorrect paraphrasing, in which more than one sentence is changed within one paragraph or section of the text, or the sentences are arranged in a different order without a corresponding reference to the source.

- Use of graphic elements of another author's work without attribution (figure, table, etc.) and reference to the source. Authors must obtain permission from the copyright owner to use elements of their work.

- Self-plagiarism. If fragments of the manuscript were previously published in another article, the authors are obliged to refer to the earlier work, indicate what is the significant difference between the new work and the previous one and, at the same time, identify its connection with the research results and conclusions presented in the previous work.

- Self-citation. The references should not contain more than 20% of the works of the authors of the manuscript.

References are placed after the main text (at the end of it). The recommended number of used sources is 20-25.

The article are accepted by the **e-mail**: csb.journal@mail.ru

Information about the author

Title
First Name, Last Name (Anna Ivanova) Scientific degree, title, position E-mail: Tel .:
Affiliation
Abstract (Length 200-300 words) <i>Should contain the information on the purpose, structure, methods, conclusions of the research</i>
The keywords must consist of 5–10 words, separated by a semicolon
Highlights <i>Should reflect the key results of the research, presented in 3-5 items of the bulleted list</i>

The structure of the article

The article should be written in the international format – **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Each part of the article reveals certain questions.

Introduction	What is the problem of the research? The introduction should determine the nature of the problem, indicate the purpose of the research, present its hypothesis and justify the importance of the study
Materials and Methods (Theoretical basis)	How was the problem studied before?
Results	What are the main findings or even discoveries? This part presents the results of the research in a clear logical sequence, without interpretation of the results. It is here tables, drawings and graphics are most often used.
Discussion	What do the results mean? The discussion should focus on the interpretation of the results and other related materials. This part should explain the importance of the observed opinion for the purpose of the study; link the results to the hypothesis.
Conclusion	The conclusion should summarize the results and its significance, describe the consequences and practical meaning of the research, give recommendations, if possible.
Acknowledgments	Reference to the grant (if any).
References	

Reference to bibliographical literature must be made **within the text** round brackets (Surname of the first author, year of publication. page).

For example, (Acemoglu, 2003. P. 630).

The bibliography should include only the sources used in the article with the links. The sources are listed alphabetically.

References

The design of References is based on **APA Style**, developed by the American Psychological Association, and widespread in social sciences. For more information: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

EXAMPLES:

BOOKS

Author (Year of publication). *Title*. Place of publication: Publishing house.

Cornell, S. (2005). *Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus*. London and New York: Routledge.

ARTICLES

Author (Year of publication). Title. *Journal*, Volume, Issue, Pages.

Barnes, L. (2005). Religion, Education and Conflict in Northern Ireland. *Journal of Beliefs Values*, 26(2), 123–138.

ELECTRONIC RESOURCE

Title. (Year of publication, if any). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

THESIS

Author (Year of publication). Title. (Doctoral Dissertation, University, City)

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

BOOK UNDER THE GENERAL EDITORSHIP

Author (Year of publication). *Title*. In Editors (Eds.). Place of publication: Publishing house.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

ARTICLE IN THE CONFERENCE PROCEEDINGS

Author (Year of publication). Title. In *Conference title: Proceedings of the Scientific Conference*. Place of publication: Publishing house.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

